

Пуэнте Исаак. Вольный Коммунизм

Оригинальное название: "El Comunismo Libertario y otras proclamas insurreccionales y naturistas" 1933 год. Перевод, иллюстрации, редакция: Радикальный Эволюционист.

- [Предисловие переводчика](#)
- [Примечание редактора испанского издания](#)
- [Вольный Коммунизм \(1933 год\)](#)
- [Общество будущего. Анархический коммунизм](#)
- [Концепция Вольного Коммунизма](#)
- [На пути к коллективной интерпретации Вольного Коммунизма \(1933 год\)](#)
- [Очерк Вольно-Коммунистического общества](#)
- [Современное поколение](#)
 - [Современное поколение. Часть I](#)
 - [Современное поколение. Часть II](#)
 - [Современное поколение. Часть III. Медицинский аспект натуризма](#)

Предисловие переводчика

Переведено для Федерации Анархистов. Хотя во многих аспектах Исаак Пуэнте остаётся крайне специфическим теоретиком анархистского движения, особенно в оптимистичном восприятии возможности смерти капитализма (что связано с происходившей при его жизни Великой Депрессией), а также в вопросах вегетарианства и натуризма, это нисколько не умаляет его заслуг перед движением. К сожалению, он так и не сумел увидеть плоды своего нелёгкого труда. Тем не менее его понимание организации остаётся актуальным и по сей день, развивая идеи предыдущих теоретиков и практиков движения, найдя своё воплощение в коллективах времён Гражданской Войны в Испании, попутно предвосхищая уже известные и достаточно чёткие коммуналистские тенденции. Книга изложена простым и понятным языком, тем самым она может быть полезна как для новичков, так и для тех анархистов, которые желают переосмыслить некоторые свои воззрения или просто ознакомиться и оценить с работы теоретиков и практиков прошлого. Всем этим людям можно лишь пожелать приятного чтения.

Свои замечания, пожелания и предложения оставляйте в нашем [телеграм-канале](#)

Радикальный Эволюционист

Примечание редактора испанского издания

Впечатляющий тираж (почти 100 тыс. экземпляров за три года, начиная с первого издания в 1933 г.) книги "El Comunismo Libertario" анархиста Исаака Пуэнте (уроженца Бискайи, занимавшегося политической практикой в Алаве) иллюстрирует мятежные надежды, витавшие в годы Второй Испанской Республики.

Это были годы, когда осуществление коммунизма рассматривалось как неизбежный долг перед лицом упадка капиталистической цивилизации и ее беспорядка, поскольку та не гарантировала и не обеспечивала возможности даже самого выживания населения.

Программа, на которой он базировался, заключалась в простом последовательном распределении ресурсов, а также в подавлении паразитических каст, унаследованных от страны, которая всего столетие назад избавилась от инквизиции. В основе программы лежат свободные муниципалитеты и собрания производителей, направляемые профсоюзами и федерациями, что создадут перевернутую пирамиду, где управляющие отвечают на веления и нужды простых людей. И все это с условием, что сама программа была-бы не более чем авансом, адаптируемым к творческим силам народа.

Но необходимо было также возродить человека, начиная с его самых первичных аспектов, таких как питание, сексуальность и все те аспекты, которые были украдены из-под контроля человека и витали под многолетним воздействием цивилизации, государства и капитала. Все эти намерения, выраженные в краткой подборке статей этого врача-анархиста, возвращают нас к революционной традиции, бунтарской, но имевшей призвание для масс, анархической, но противостоящей идеологическим догмам и неотъемлемой от отношений человека с собственным телом и окружающей средой; к традиции, которую крайне необходимо подхватить, и переосмыслить в свете нового тысячелетия.

Вольный Коммунизм (1933 год)

Против предрассудков

Национальная конфедерация труда - это канал революционных усилий пролетариата для реализации конкретной цели: установления вольного коммунизма. Режим сосуществования людей, который пытается решить экономическую проблему без участия государства и политики, по известной формуле: "от каждого по способностям, каждому по потребностям".

Освободительное движение пролетариата вызревает в результате разочарований. Из каждой неудачи оно выходит обновленным, с новыми силами. Это сила, которая только зарождается, сила будущего. Она несет в себе зародыш социального совершенства и отвечает глубокому человеческому чувству, поэтому он не может погибнуть, даже если сто раз сойдет с пути.

Пролетариату слишком много проповедуется. То спокойствие, то культура, то расширение прав и возможностей. По мнению его пастырей, он так и не созрел для эмансипации. Его подготовка, если она произойдет, будет вечной, потому что он никогда не сможет выйти, иначе как революционным путем, из невежества и неведения, из лишений, в которых его держат капиталистический режим и государство. Каждое частичное освобождение будет стоить не меньшего труда, чем полное освобождение, если оно должно быть завоевано коллективно, а не индивидуально.

Если искать решения таким образом, не атакуя систему, то решить социальную проблему невозможно. Это как яйцо Колумба. Если мы должны уравновесить яйцо на одном из полюсов, чтобы поставить его вертикально, то мы теряем время, пока пытаемся сделать. Мы должны быть полны решимости разбить его ударом по столу, атакуя яйцо целиком.

Национальная конфедерация труда интерпретирует освободительное движение пролетариата, наказанного реформистской штукатуркой и разочарованного политическим жульничеством. Она увидела прямой путь. Прямой путь прямого действия, прямой путь к установлению вольного коммунизма - единственного пути к освобождению. Речь идет не о создании сильной организации, которой будут восхищаться все и вся, а о реализации ее освободительной цели. Это не идеал, который нужно культивировать, а фронт борьбы. Идеал ему придает анархизм, который ориентирует и одушевляет его.

Определение: Вольный коммунизм - это организация общества без государства и без частной собственности. Для этого не нужно ничего изобретать или создавать какие-либо

новые организмы. Ядра организации, вокруг которых будет строиться экономическая жизнь, уже существуют в современном обществе: это свободный **профсоюз** (синдикат) и **свободный муниципалитет**.

Профсоюз, в котором сегодня стихийно объединяются рабочие предприятий, подверженные эксплуатации.

И свободный муниципалитет – давно существующее собрание, в котором стихийно объединяются жители городов и деревень и которое служит каналом для решения всех проблем сосуществования в сельской местности.

Оба органа, действуя на федеративных и демократических началах, будут суверенны в своих решениях, не подконтрольны никакому вышестоящему органу, а лишь обязаны конфедеративно взаимодействовать друг с другом, по экономической необходимости посредством органов связи и коммуникации, образуемых в отраслевых федерациях.

Эти органы вступают в коллективное или общее владение всем тем, что сегодня находится в частной собственности, и регулируют производство и потребление, т.е. экономическую жизнь, в каждой местности.

Сочетание двух слов (коммунизм и воля) указывает также на слияние двух идей: коллективистской, стремящейся создать гармоничное целое благодаря вкладу или сотрудничеству индивидов, не ущемляя их независимости; индивидуалистической, желающей гарантировать человеку уважение его независимости. Рабочий на фабрике, на железной дороге или в отрасли, не имея возможности выполнять работу в одиночку, вынужден объединяться со своими товарищами как для лучшего выполнения работы, так и для защиты своих личных интересов. С другой стороны, ремесленник и сельскохозяйственный рабочий могут жить самостоятельно и даже быть самодостаточными, и поэтому у них глубоко укоренилась тенденция к индивидуализму. **Синдикат** олицетворяет потребность в коллективистской организации, а **свободный муниципалитет** лучше всего интерпретирует индивидуалистические настроения крестьянства.

Бедность – симптом, рабство – зло. – Если судить только по внешним признакам, то все согласятся, что самое страшное в современном обществе – это бедность. Однако самое страшное – это рабство, которое заставляет человека поддаваться ей, не давая ему восстать. Хуже всего не Капитал, эксплуатирующий рабочего и обогащающийся за его счет, а государство, которое держит пролетария беззащитным, ставит его под ружье государственных войск и сажает в тюрьмы.

Все зло, которое мы осуждаем в нынешнем обществе и о котором здесь не место говорить, кроется в институте власти, то есть в государстве, и в институте частной собственности, которая путем накопления производит капитал. Человек – игрушка этих двух социальных зол, подчиняющаяся его воле; он становится подлым, скупым, необщительным, когда богат, и жестоким и нечувствительным к человеческой боли, когда обладает властью. Бедность деградирует, а богатство извращает. Подчинение ввергает человека в унижение, а власть деформирует его чувства. Никто не пролил больше слез и крови, чем прожорливый и

ненасытный капитал процента. Вся история изобилует преступлениями и мучениями, совершаемыми властью. Накопление богатства, как и накопление власти одними, может осуществляться только ценой лишения других. Чтобы уничтожить несчастье, как и предотвратить рабство, необходимо противостоять накоплению собственности и власти, чтобы никто не мог взять больше, чем ему нужно, и чтобы никто не мог властвовать над другим.

Два фундаментальных действия. – Человек, в силу своего способа существования и своей природы, имеет два неисчерпаемых стремления: хлеб, т.е. то, что ему необходимо для удовлетворения своих экономических потребностей (пища, одежда, жилье, образование, здравоохранение, средства коммуникации и т.д.), и воля, т.е. контроль над своими действиями.

Внешнее принуждение отвратительно для нас не потому, что оно таково, поскольку мы идем на компромисс с тем, что навязано нам самой природой. Оно отталкивает и возмущает нас, когда оно капризно, потому что подчиняется воле других людей. Мы принимаем ограничение, когда считаем его справедливым и когда нам предоставлено право судить о нем. Мы всеми силами отвергаем его, когда его навязывают нам, лишая права на обсуждение.

Это чувство свободы – стремление распоряжаться собой – настолько ярко, настолько сильно, что оно, как в поговорке, напоминает испанского идадьго, который, чтобы сохранить его, тащит свои страдания по дорогам, отказываясь от хлеба, крова и тепла убежища, потому что взамен ему навязывают казарменную дисциплину. Вольный коммунизм должен обеспечить возможность удовлетворения экономических потребностей при соблюдении этого стремления к свободе. Из любви к свободе мы отвергаем коммунизм монастыря или казармы, муравейника или улья, стадный коммунизм, как в России.

Предрассудки. – Все это для тех, кто читает нас с ожесточением и враждебными предрассудками, звучит как нонсенс. Попробуем указать на эти предрассудки, чтобы каждый, кто ими страдает, захотел от них излечиться.

Предрассудок 1: приписывание кризисам преходящего (временного) характера. – Капитал и государство – это два старых института в условиях прогрессирующего и неумирающего мирового кризиса. Два организма, несущие в своем распаде, как это всегда бывает в природе, зародыши тех организмов, которые придут им на смену. В природе ничего не создается и ничего не разрушается, все преобразуется.

Капитал тонет в собственном детрите: безработица постоянно растет, потому что он не в состоянии увеличить потребление в той же пропорции, в какой машины увеличивают производство. Безработные представляют собой революционные силы. Голод трусит изолированного индивида, но придает ярость и храбрость, когда он социализирован. В пролетариате зарождаются и набирают силу идеи распада. Государство также задыхается в своей собственной структуре власти. Оно вынуждено создавать все больше репрессивных сил и все больше бюрократии, неся на себе мертвый груз паразитизма, бюджеты, из которых грабят налогоплательщиков. Когда здание поддерживается, это происходит

потому, что ему грозит разрушение. Все более пробуждающаяся индивидуальная совесть открыто вступает в конфликт с ограничениями государства. Неминуемость гибели государства заставляет его внезапно извращать свою историческую эволюцию в сторону смягченных и демократических форм, облекать себя в форму фашизма в Италии, диктатуры в других странах, даже в форму диктатуры пролетариата в России.

Это окончательные кризисы, которые ставят старый институт капитала против растущих требований пролетариата, а старый институт государства против свободных устремлений народов, как несравнимые силы. Они идут на смену.

Нет смысла цепляться за старые системы и пытаться найти для них заплатки, пластыри и реформы, пусть даже такие соблазнительные, как у Анри Жоржа, потому что они приходят слишком поздно, чтобы отремонтировать отживший организм. Необходимо думать о том, что пытается родиться, о том, что хочет заменить то, что должно исчезнуть, о зародышевых силах, которые просят места в социальной жизни.

Предрассудок 2: полагают, что вольный коммунизм – плод невежества. – Поскольку его предлагают люди, имеющие репутацию невежественных и необразованных, люди без высшего образования, они полагают, что вольный коммунизм – это упрощенное решение, которое игнорирует сложность жизни и трудности, связанные с такими изменениями. В этом предрассудке заложено то, о чем мы будем говорить далее.

В совокупности пролетариат обладает большими знаниями в области социологии, чем интеллигенция, и, соответственно, более глубоким пониманием ее решений. Так, например, врачи, юристы и фармацевты не имеют другого решения проблемы избытка специалистов, кроме как ограничить прием на факультеты, говоря при этом:

«Места заняты, мест больше нет», отторгая в другие профессии или в бурный протест новых поколений, которые рождаются для жизни и приходят в аудитории во все большем количестве. И это упрощенное и абсурдное решение, и глупое, и недостойное тех, кто претендует на превосходство над другими.

Рабочие же осмеливаются предлагать, в соответствии со своими угрызениями учебников по социологии, решения, которые касаются не только одного класса, не одного поколения одного класса, а всех классов общества. Это решение, которое уже намечено документированными социологами на научной и философской основе и которое сегодня может противостоять всем теоретическим решениям социальной проблемы на основе гарантии хлеба и культуры для всех людей.

Если это на устах «невежд», то именно потому, что интеллигенция, имеющая репутацию мудрой, этого не знает. И если пролетариат несет ее, то только потому, что в совокупности он обладает более точным видением будущего и большей широтой мышления, чем все интеллигентные слои, вместе взятые.

Предрассудок 3: Интеллектуальная аристократия. – Народ рассматривается как неспособный к свободной жизни и поэтому нуждающийся в опеке. Над ними интеллигенция хочет утвердить аристократические привилегии, подобные тем, которыми до сих пор

пользовалось дворянство. Они хотят быть вождями и воспитателями народа.

Все, что блестит, - не золото. Интеллектуальная ценность всех тех, кто обречен на лишение знаний, также не является ничтожной. Многие интеллектуалы не могут подняться над толпой, даже окрыленные своими званиями. С другой стороны, многие рабочие поднимаются до уровня интеллигенции силой своей самооценности. Университетская подготовка к профессии не означает превосходства в любом смысле, поскольку оно приобретается не в свободной конкуренции, а в тени экономических привилегий.

То, что мы называем здравым смыслом, быстротой видения, интуицией, инициативой и оригинальностью, в университетах не покупается и не продается, им обладают и интеллигенты, и неграмотные.

Менталитет, который нужно культивировать, во всем его диком невежестве, предпочтительнее ума, отравленного предрассудками и застывшего в рутине знаний. Культурность нашей интеллигенции не мешает ей обладать некультурным чувством собственного достоинства, которое иногда ярко проявляется в людях с репутацией необразованных.

Карьера не дает ни большего голода, ни большего тлена, ни большей семьи, ни большей болезни, чем ручное ремесло; поэтому она имеет не большее превосходство, чем профессиональная, и это не оправдывает, если не упрощенно и не пошло, того, что она должна руководить и командовать теми, кто не является таковым.

Предрассудок 4: Приписывание пренебрежительного отношения к искусству, науке или культуре. – Мы не понимаем, что эти три вида деятельности, для того чтобы сиять, должны быть основаны на человеческих страданиях или рабстве. Для нас они должны быть несовместимы с этой неизбежной болью. Если для того, чтобы сиять, они должны контрастировать с уродством, с невежеством и бескультурьем, мы можем объявить себя несовместимыми с ними, не опасаясь ереси.

Искусство, наука и культура не покупаются за деньги и не завоевываются властью. Напротив, если они достойны, они отвергают всякое вассальство и показывают себя неподкупными. Они создаются творческой самоотдачей, способностями, стремлением к исследованию и вкусом к совершенству. Но не Меценатами и не Цезарями. Они расцветают стихийно повсюду, и все, что им нужно, - это беспрепятственное развитие. Они – плоды человека, и упрощение заключается в том, что человек способствует им, создавая на государственном уровне бюро изобретений или премии в области культуры.

Когда, прося хлеба и требуя справедливости, пытаюсь освободиться, трудящийся говорит, что он портит искусство, науку или культуру, то естественно, что он проявляет иконоборчество и сбивает нематериального идола, с помощью которого его держат в рабстве и несчастье. Кто сказал, что искусство, наука или культура страдают от создания благосостояния или обладания свободой?

Предрассудок 5: Неспособность структурировать новую жизнь. – Новая экономическая организация требует технического сотрудничества, причем как специализированного

рабочего, так и простого. Как сегодня даже революционные силы сотрудничают в производстве, так и завтра это должны делать это. Иными словами, новая жизнь должна оцениваться не по способностям революционеров, как если бы мы были популистской политической партией, а по способностям всего коллектива. Технику заставляет работать экономическая нужда, а не любовь к буржуазии. То, что завтра заставит всех сотрудничать в производстве, будет также экономической необходимостью, которая будет вовлекать всех трудоспособных граждан. Мы не доверяем только тем, кто делает это из преданности или добродетели.

Поэтому нам не нужно ослеплять мир своими способностями или необыкновенными дарами, которые потом окажутся такими же фальшивыми, как и у политиков. Мы не предлагаем никого спасать. Мы предлагаем режим, при котором не нужно рабство, чтобы заставить человека производить, и не нужно страдание, чтобы заставить его поддаться алчности капитала. Не прихоть, не частное или личное удобство будут управлять и направлять, а все мы будем вносить свой вклад в гармонию целого, каждый своим трудом, каждый в меру своих сил и способностей.

Предрассудок 6: Вера в необходимость социального архитектора.

Вера в то, что общество нуждается в уполномоченной власти, или в то, что толпа разбухнет, если не будет полицейских, способных ее остановить, - это предрассудок, взращенный политикой. Человеческое общество держится не на силовом принуждении и не на разумном предвидении правителей, а на инстинкте общительности и потребности во взаимной поддержке.

Правители всегда любили приукрашивать себя этими ложными показателями. Кроме того, общества имеют тенденцию принимать все более совершенные формы не потому, что к этому стремятся их правители, а в силу спонтанного стремления к этому индивидов, составляющих их, и врожденного стремления каждой группы людей.

По той же иллюзии мы приписываем заботе отца рост и развитие ребенка, как будто он растет и процветает благодаря постороннему влиянию. Рост и развитие происходят всегда и у всех детей, и никому не нужно их обеспечивать. Важно только, чтобы никто не мешал и не препятствовал этому.

Точно так же ребенок обучается и воспитывается. По природной склонности. Учитель может утверждать, что он может ассимилировать и лепить ребенка, но верно и то, что ребенок обучается и воспитывается без чьего-либо руководства, если ему никто не мешает. И в расовой педагогике лучшая роль учителя заключается в том, чтобы расчистить путь и освободить от препятствий склонность ребенка к усвоению знаний и формированию себя. То, что учитель не является незаменимым, демонстрирует автодидакт.

Аналогичный пример можно привести и из медицины. Врач может утверждать, что вылечит больного, и публика может в это поверить. Но болезнь лечится именно спонтанным стремлением организма к восстановлению равновесия, именно защитными силами организма.

Врач лучше всего выполняет свою роль, когда с биологическим смирением ограничивается очищением лечебных защит от препятствий и помех. Нередки случаи, когда больной излечивается вопреки врачу.

Для того чтобы человеческое общество организовалось и совершенствовалось, не обязательно, чтобы кто-то пытался это сделать, достаточно, чтобы никто не мешал и не препятствовал этому. Попытка усовершенствовать человека и заменить его спонтанные наклонности искусством власти и дубинки – еще одно упрощение. С биологическим смирением мы, анархисты, просим дать свободу организаторским склонностям и инстинктам.

Предрассудок 7: Преобладание знаний над опытом. – Это так же, как желание, чтобы умение предшествовало обучению, опыт – репетиции, а мозоли – работе.

От нас с самого начала требуют идеального режима, гарантии, что все будет сделано именно так, а не иначе, без суеты, без истерик, без поражений. Если мы будем учиться жить по теории, то никогда не закончим обучение. Ни ребенок не научится ходить, ни мальчик не научится ездить на велосипеде, ни профессия, ни специальность. Напротив, в жизни все происходит наоборот. Вначале вы решаете действовать, а действуя, учитесь. Врач начинает практиковать, не имея никаких знаний о своем искусстве, которые он приобретает, спотыкаясь, ошибаясь и многократно терпя неудачи. Женщина, не научившись домоводству, умудряется поддерживать свою семью на плаву, распоряжаясь недостаточной зарплатой.

Специалист постепенно выходит из своей неуклюжести.

Именно живя в вольном коммунизме, мы научимся жить в нем. Именно внедряя его, мы увидим его слабые стороны и неправильные аспекты.

Если бы мы были политиками, мы бы нарисовали рай, полный совершенства. Но поскольку мы – люди и знаем, что такое человек, мы верим, что человек научится ходить в одиночку единственным способом, которым можно научиться: ходьбой.

Предрассудок 8: Посредничество политиков. – Худший из всех предрассудков – верить, что идеал может быть реализован при посредничестве людей, даже если они не хотят называть себя политиками. Политик довольствуется тем, что ставит знак на титульном листе режима и пишет новые постулаты на конституционной бумаге. Так удалось назвать коммунизмом и Россию, и Испанскую рабочую республику, где число рабочих всех классов составляет одиннадцать миллионов, а число безработных – тринадцать миллионов. Если бы вольный коммунизм был реализован политиками, нам пришлось бы довольствоваться режимом, в котором не было бы ничего коммунистического и ничего вольного.

Политическому действию, которое обманчиво и лживо, мы противопоставляем прямое действие, которое есть не что иное, как непосредственное осуществление задуманного идеала, сделав его осязаемым и реальным, а не писаной и не постижимой фикцией или отдаленным обещанием. Это исполнение коллективного договора самим коллективом, не отдавая его в руки мессии и не доверяя посредникам.

Вольный коммунизм реализуется в той мере, в какой используется прямое действие и в той мере, в какой отпадает необходимость в посредниках.

Экономическая организация общества

Вольный коммунизм основан на экономической организации общества, причем экономический интерес является единственной связью, которую ищут индивиды, поскольку только в нем они совпадают. Общественная организация не имеет другой цели, кроме как сделать общим все, что составляет общественное богатство, т.е. средства и орудия производства и сами продукты труда, сделать общей также обязанность вносить свой вклад в производство, каждый своим трудом или своими способностями, и затем распределять продукты между всеми в соответствии с индивидуальными потребностями.

Все, что не является экономической функцией или экономической деятельностью, остается вне организации и вне ее контроля. Поэтому оно находится во власти индивидуальных инициатив и действий.

Противопоставление организации на политической основе, характерное для всех режимов, основанных на государстве, и организации не может быть более радикальным или более полным. Для того чтобы подчеркнуть ее, ниже приводится следующее сравнение:

Сравнительная таблица

Политическая Организация	Союзная организация
Считает народ инфантильным и неспособным к самоуправлению и решению своих вопросов без надзора сверху.	Учитывает, что каждый коллектив способен сам организовать свою деятельность, и считает что надзор сверху не нужен, а государство излишне
Всеми привилегиями обладает государство. В экономике, в образовании, в отправлении правосудия, в толковании законов, в поощрении богатства и в организации всех функций.	Инициатива переходит к трудовым организациям. Контроль над образованием – к учителям. Контроль над здравоохранением – к медицинским работникам. Контроль над коммуникациями – к рабочим техникам, собирающимся на собрания, контроль над производством – к Федерации синдикатов.
Государство суверенно, оно держит в своих руках власть (армию, полицию, судебную систему, тюрьмы). Народ беззащитен, безоружен, что не мешает ему называться суверенным в «демократических» государствах.	Власть возвращается к своему истоку, поскольку каждая группа будет наделена своими полномочиями, и, не накапливаясь, каждый человек будет иметь свою долю власти, а собрание будет иметь то, что дано ему всеми.
Люди группируются по политическим, религиозным и социальным представлениям, т.е. по минимальным пунктам, поскольку именно в этих вопросах мы, больше всего расходимся во мнениях.	Люди группируются по идентичности своих забот и потребностей в синдикате и по сосуществованию на территории и общности интересов – в свободном муниципалитете. Таким образом, точки совпадения максимально увеличиваются.

Политическая Организация	Союзная организация
Государство, составляющее ничтожное меньшинство, претендует на то, что обладает большей мудростью, возможностями и умом, чем различные социальные коллективы. «Один знает больше, чем все они вместе взятые».	Собрание объединяет в себе максимум умений, способностей и мудрости в том, что его профессионально касается. Все вместе они знают больше, чем один человек, каким бы мудрым он ни был.
Государство, устанавливая раз и навсегда фиксированные правила (конституцию или кодекс), компрометирует будущее и фальсифицирует настоящее, которое многообразно и изменчиво.	В союзной организации правила поведения определяются в каждый момент времени в зависимости от обстоятельств.
Государство оставляет все за собой. От людей не зависит ничего, кроме как платить, потреблять, производить и подчиняться высшей воле правителя. Государство говорит: «Дайте мне власть, и я сделаю вас счастливыми».	В отсутствие посредников и медиаторов каждый человек должен сам пытаться привести в порядок свои дела, обходясь без посредников, и тем самым избавить себя от рутины веков политического воспитания.
Государство делит общество на две антагонистические касты: тех, кто командует, и тех, кто подчиняется.	Все граждане объединены в единую категорию производителей. Должности административные, временные, не дающие права освобождать себя от производства и всегда подотчётные Собраниям.
Она предоставляет только фиктивные и письменные права: свободу, суверенитет, справедливость, демократию, автономию и т.д., чтобы поддерживаться в неизменном состоянии; чтобы священный огонь политических иллюзий всегда оставался живым.	Это практическая реализация экономической свободы, которая является основополагающей. Она реализует демократию, т.е. правление народа народом. Она реализует федерализм, признавая максимальную автономию и независимость муниципалитета и всех производственных единиц.
Прогресс и социальная эволюция ведут государство от деспотических и абсолютистских форм к его упадку. Фашизм – это запоздалое решение, как и гос. социализм. Он скрывает и прикрывает свои прерогативы, чтобы затем постепенно утратить их по мере развития индивидуального и классового сознания.	Эволюция привела профессиональные коллективы к все большему росту и совершенствованию. От защиты эгоистических экономических интересов индивида они стали способны перейти к принятию на себя ответственности за свою общественную роль.
В организации, основанной на политике, иерархия возрастает по направлению к вершине. Над народом – руководящий совет, над ним – городская дума, над ней – уездная дума, над ней – губернская дума, над ней – губернатор, над ней – правительство.	В экономической организации иерархия возрастает по отношению к рядовым сотрудникам. Постановления комитета могут быть отменены пленумом, постановления пленума – собранием, а собрания – всем народом.

Богатство и труд

Есть две вещи, которые должны быть разделены между жителями страны: богатство, т.е. продукция, предназначенная для потребления всем населением, и труд, необходимый для ее производства. Это было бы справедливо и равноправно, даже рационально. Но в капиталистическом обществе богатство накапливается на одном полюсе – на том, который не производит, а труд – на другом, на том, который не потребляет необходимое. Иными словами, прямо противоположно тому, что происходит в природе, которая всегда приносит больше пищи, больше крови к работающей конечности или органу.

Богатство исчисляется годовым доходом в 25 млрд. песет. При правильном распределении этого дохода было бы достаточно, чтобы прокормить все население Испании, 24 млн. человек, причем каждый из них получал бы чуть больше 1000 песет в год. Таким образом, на семью из пяти человек приходилось бы 5 тыс. песет в год, что позволило бы говорить об относительном экономическом благополучии каждого.

Но поскольку при капитализме капитал должен приносить не менее 6% годовых, а власть должна измеряться заработной платой, то для того, чтобы некоторые могли зарабатывать миллионы в год, должны существовать целые семьи, которые должны тратить меньше половины того, что соответствует каждому отдельному человеку.

В вольно-коммунистической системе речь не идет о песетах и их распределении. Речь идет только о продуктах, которые уже не могут быть превращены в песеты, не могут накапливаться и распределяются между всеми в соответствии с их потребностями.

Другое дело, что подлежит распределению, - это труд. И в нем мы находим сегодня то же самое несправедливое и подрывное неравенство.

Чтобы одни могли валяться всю жизнь, другие вынуждены выжимать из себя пот при восьмичасовом рабочем дне, а не при десяти или четырнадцати часах в сутки.

Если сегодня семь миллионов рабочих заняты производством богатства, и в среднем им приходится работать по восемь часов в день, то если бы четырнадцать миллионов полезных жителей работали, им пришлось бы трудиться всего четыре часа в день. Вот такой простой и понятный вывод.

Это простой и понятный вывод, который можно сделать из хорошего и справедливого распределения. Это и есть та утопия, которую каждый анархист хочет реализовать.

Экономические возможности нашей страны

Становление вольного коммунизма в нашей стране, изолированной от других стран Европы, вызовет, как и следовало-бы ожидать, враждебность капиталистических государств. Под предлогом защиты интересов своих подданных буржуазный империализм попытается вмешаться и силой оружия свергнуть наш нарождающийся режим. Вооруженная интервенция одной или нескольких изолированных держав может привести к развязыванию мировой войны. Чтобы не рисковать социальной революцией в своих странах, капиталистические государства предпочтут, как и в России, нехитрый способ финансирования наемной армии, которая будет опираться на уцелевшие реакционные ядра.

Память об аналогичной борьбе и аналогичных ситуациях в истории нашего народа дает нам уверенность в борьбе за свою независимость и в топографических условиях нашей земли. Другая угроза - это блокада наших берегов военно-морскими силами капиталистических

стран, которая не позволит нам опираться на собственные ресурсы. Учитывая протяженность наших берегов, эту блокаду было бы легко обойти. Однако такая возможность заставляет нас задать себе предварительный вопрос.

Достаточно ли мы производим продукции, чтобы полностью обойтись без импорта?

[Рис. 1 и 2. Иерархия и власть представлены в различных цветовых оттенках. Накапливаясь на вершине политического режима, власть становится все меньшей по мере приближения к основанию. Народу дается один день раз в четыре года, чтобы обмануть себя в том, что он является суверенным народом. В вольном коммунизме власть исходит от народа, концентрируется в Собраниях и Съездах, уменьшаясь по мере продвижения к вершине.]

Посмотрим. Нынешняя статистика не вполне применима к завтрашнему дню, поскольку ее цифры не учитывают того, что нам нужно импортировать, а это не всегда одно и то же.

Так, например, уголь можно добывать на нашей земле из ее богатейших месторождений, но его импортируют из Англии, потому что английский уголь конкурирует по цене с нашим. Не будучи необходимой, поскольку она в изобилии имеется в Андалусии, в этом году была импортирована аргентинская пшеница.

Статистика показывает, что у нас достаточно сельскохозяйственной продукции: мы экспортируем большое количество масла, апельсинов, риса, овощей, картофеля, миндаля, вина и фруктов. По зерновым, несмотря на импорт кукурузы, у нас достаток. Металлов у нас в избытке. Но мы зависим от иностранной нефти и ее производных (бензин, тяжелые масла, смазочные материалы и т.д.), каучука, хлопка и целлюлозы. Отсутствие нефти, как основы для транспорта, может привести к серьезному сбою в структурировании нашей экономики.

Поэтому в случае блокады необходимо будет направить общие усилия на активизацию поиска нефти, которая пока не найдена, хотя предполагается, что она существует. Топливо может быть получено путем перегонки каменного и бурого угля, которых в нашей стране много. Эта отрасль уже существует, и ее следует интенсифицировать до тех пор, пока она не станет достаточной для удовлетворения потребностей. Бензин можно экономить, смешивая его с 30-50-процентным спиртом, что дает отличные результаты в любых двигателях. Спирт будет неисчерпаем, так как его можно получать из риса, пшеницы, картофеля, патоки, винограда, древесины и т.д.

Каучук придется получать синтетическим путем, как это уже делается в Германии.

Хлопок в нашей стране, особенно в Андалусии, уже собирают с большим успехом, и, судя по его прогрессивному росту, скоро его будет достаточно для удовлетворения национальных потребностей. Его можно выращивать вместо винограда и оливок, производство которых превышает наше потребление.

Для обеспечения потребностей можно увеличить лесозаготовительную промышленность, компенсируя это интенсификацией лесовосстановления.

Эвкалипт и лесная сосна - лучшие поставщики целлюлозы.

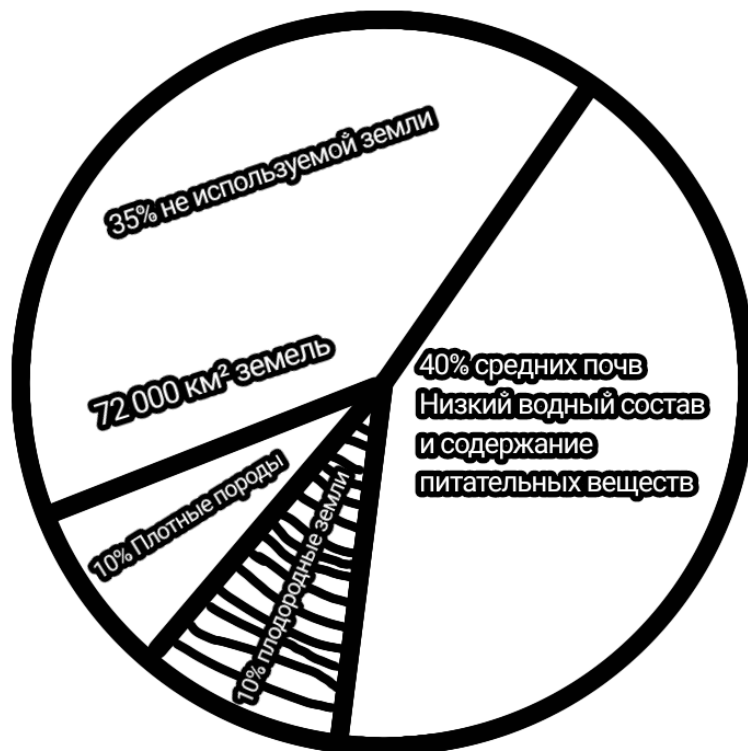
Но как бы ни было велико нынешнее производство, оно вселяет оптимизм, если принять во внимание возможности производства в Испании, которую можно рассматривать как страну, подлежащую колонизации и не мобилизовавшую даже десятой части своих богатств.

Электрическая энергия неисчислима, уступая лишь швейцарской. Строительство водохранилищ и речных каналов уже практически началось. Мы не обрабатываем и половины пахотных земель, которые оцениваются в 50 млн. га. Предстоит улучшить, интенсифицировать выращивание сельскохозяйственных культур, шире внедрять сельскохозяйственную технику. Система общего труда позволит увеличить производство за счет распространения на все земли муниципалитета той сельскохозяйственной техники, которая сегодня обслуживает только поместья богатых землевладельцев.

Предстоит сделать первую попытку сбалансировать производство к потреблению. У нас много земли. Но помимо земли у нас есть избыток рабочих рук, что равносильно тому, что мы говорим о потенциале производителя (рис. 3, 4 и 5).

Избыток трудящихся не только не является проблемой для вольно-коммунистического режима, но, напротив, является залогом его успеха.

Если трудящихся слишком много, то логично, что мы должны меньше работать и, одно из двух, либо сокращать рабочий день, либо увеличивать производство.

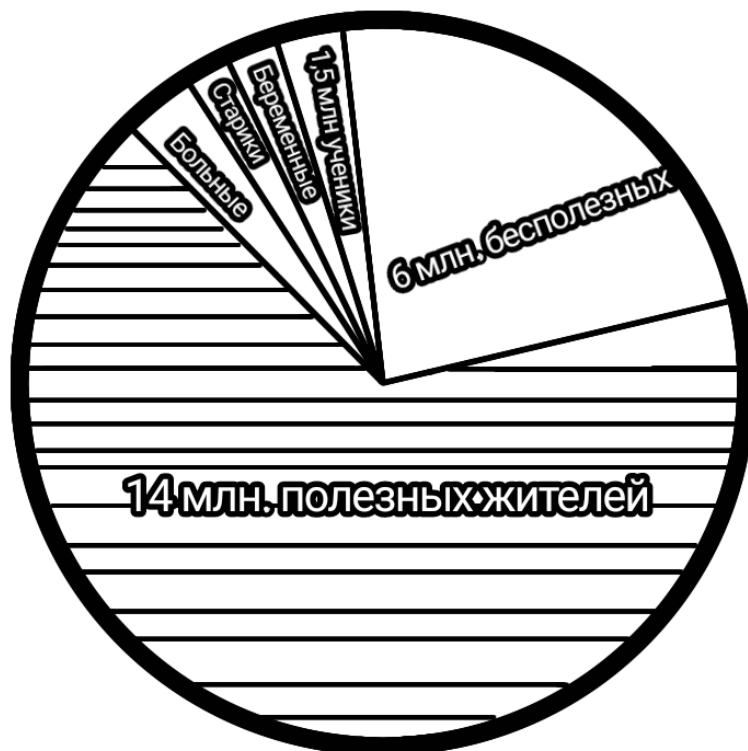
[рис. 3. Распределение территории страны 500 млн. кв. км.]

[рис 4. Распределение посевных площадей. 50 млн. гектаров]

[рис. 5. Текущее распределение всего населения Испании: 24 000 000 жителей. Среди работающих есть те, кто не производит ничего полезного, например, бюрократы, военные, судьи и т.д., а также многие, кто не должен работать по возрасту или здоровью. Беспольных больше, чем полезных.]

[Рис. 6. Распределение населения в вольном коммунизме. Трудятся те, кто может трудиться по справедливости. Полезных больше, чем бесполезных]

Избыток рабочей силы дает возможность сократить рабочий день на одного человека, обеспечить увеличение объема работ (строительство водохранилищ и орошение, облесение, увеличение посевов, увеличение производства стали и использование водопадов и т.д.) и увеличить производство в той или иной отрасли.

Благодаря организации серийного труда можно легко импровизировать персонал, а еще лучше увеличить производительность завода, удвоить его дневную выработку, не увеличивая числа станков. Имеющийся персонал, уже считающийся квалифицированным, делится на две смены, которые работают одна за другой, и в каждую смену добавляется столько же учеников.

Таким образом, можно удвоить производство в самых недостаточных отраслях, не задумываясь об открытии новых заводов, не совершенствуя и не увеличивая количество машин.

Отсюда можно сделать вывод, что наша страна может быть самодостаточной и, таким образом, выдержать блокаду в течение нескольких лет. Решения, которые сегодня холодно приходят в голову тем из нас, кто не является техническим специалистом, будут превзойдены, когда нас подтолкнет необходимость, когда наша изобретательность и находчивость будут стимулированы неблагоприятными обстоятельствами.

Мы не можем доверять все импровизации, но и не можем пренебрегать ее помощью в критических обстоятельствах, поскольку именно тогда она предлагает нам наибольшие выгоды.

Реализация

В основе вольного коммунизма лежат уже существующие организации, с помощью которых можно организовать экономическую жизнь в городах и селах с учетом особенностей каждого населенного пункта. Это синдикат и свободный муниципалитет.

Синдикат объединяет людей, объединяя их по роду работы или по характеру повседневной жизни. Сначала объединяются рабочие завода, мастерской или ямы, образуя самую маленькую ячейку, обладающую самостоятельностью в том, что ей принадлежит. Эти ячейки, объединяясь с себе подобными, образуют секцию внутри отрасли или промышленного союза. Для объединения тех, кто численно не в состоянии самостоятельно создать профсоюз, существует профсоюз различных профессий. Профсоюзы населенного пункта объединяются между собой, образуют местную федерацию, которая существует посредством комитета, формируемого путем делегирования от профсоюзов; пленума, образуемого всеми комитетами; общего собрания, обладающего в конечном счете высшим суверенитетом.

Свободный муниципалитет – это собрание трудящихся небольшого населенного пункта, города или деревни, обладающее суверенитетом в решении всех дел населенного пункта. Это институт древнего происхождения, который, хотя и ослабленный политическими институтами, может вернуть себе древний суверенитет, взяв в свои руки организацию местной жизни.

Национальная экономика – это результат совместной работы различных населенных пунктов, входящих в ее состав. Если в каждом населенном пункте в отдельности экономика хорошо управляется и упорядочивается, то все в целом должно быть гармоничным, а национальное устройство – совершенным. Совершенство не должно навязываться сверху, оно должно процветать у основания, чтобы быть спонтанным результатом, а не вынужденным следствием. Если согласие между людьми устанавливается благодаря отношениям между ними, то согласие между местностями является следствием тех же отношений. Из косвенных и периодических отношений плебисцитов и конгрессов, а также

из постоянных и непрерывных отношений, устанавливаемых промышленными федерациями, которые имеют эту специальную задачу. Это – связь и транспорт, отрасли, которые не могут ограничиваться местными интересами, но должны быть подчинены национальному плану.

Мы рассмотрим отдельно организацию в городе и организацию общей экономики.

В сельской местности

Именно в этой области реализация вольного коммунизма наиболее проста, поскольку сводится к введению в действие свободного муниципалитета.

Свободный муниципалитет или коммуна – это собрание (Совет) всех жителей города или деревни, обладающее суверенитетом в управлении и распоряжении всеми местными делами, но прежде всего производством и распределением.

Сегодня такой Совет находится под опекой государства, так как считается несамостоятельным, и его соглашения могут быть отменены городским советом, провинциальным советом и правительством – тремя паразитическими институтами, живущими за его счет.

В свободном муниципалитете не только часть муниципальной территории, как это происходит сегодня, но и все, что находится под его юрисдикцией, станет общей собственностью.

1. Горы, деревья и пастбища.
2. Рабочие земли.
3. Рабочий и мясной скот.
4. Здания, машины и сельскохозяйственные орудия.

А также товары и продукты, хранящиеся или накопленные жителями в избытке.

Таким образом, не будет никакой частной собственности, кроме usufructa того, что необходимо каждому, – жилья, одежды, мебели, орудий труда, участка сада, оставленного каждому селянину, и мелкого скота или птицы, которую он хочет иметь для своего потребления и развлечения.

Все, что превышает наши потребности, может быть в любой момент собрано муниципалитетом с предварительного согласия Собрания, поскольку все, что мы накапливаем, не нуждаясь в этом, не принадлежит нам, так как мы отнимаем это у других. Природа дает нам право собственности на то, что нам необходимо, но то, что превышает наши потребности, мы не можем присвоить, не совершив грабежа, не узурпировав его из коллективной собственности. Все жители должны иметь равное право:

1-е – производить продукцию и сотрудничать в поддержании коммуны, не имея никаких других различий, кроме тех, которые обусловлены их способностями (возраст, профессия,

образование и т.д.).

2-й – вмешиваться в принятие административных решений на собраниях.

3-й – потреблять в соответствии со своими потребностями или в соответствии с непредвиденными нормативами. Тот, кто отказывается работать на благо общины (за исключением детей, больных и престарелых), лишается остальных прав: рассуждать и потреблять.

Свободный муниципалитет объединяется с муниципалитетами других местностей и с национальными промышленными федерациями. Каждый населенный пункт предложит обменять свои излишки продукции, чтобы получить взамен то, в чем он нуждается.

Он будет вносить личный вклад в работы, представляющие общий интерес, такие как железные и автомобильные дороги, водохранилища, водопады, лесовосстановление и т.д. В обмен на это сотрудничество в региональных или национальных интересах граждане свободного муниципалитета могут пользоваться общественными услугами, такими как:

- Почта, телеграф, телефон, железные дороги и транспорт.
- Электричество и электроэнергия с их прогрессивными производными.
- Убежища, больницы, санатории и курорты.
- Высшее и университетское образование.
- Изделия и товары, не производимые в данной местности.

Избыток рабочих рук будет компенсирован новыми рабочими местами и производствами, к которым располагает местность, а также распределением рабочего дня между всеми, сокращением продолжительности рабочего дня для каждого работника.

Сельский житель не должен бояться этой свободной коммуны, в которой очень похоже жили его предки. Во всех деревнях существует общинный труд, более или менее обширная общинная собственность, общее пользование (дровами или пастбищем). В сельских обычаях также существуют процедуры и порядки решения всех возникающих трудностей, в которых никогда не бывает воли одного человека, даже если он избран остальными, но есть согласие всех.

В городах

В городе свободный муниципалитет представлен местной федерацией, в сельской местности могут существовать аналогичные крупные районные организации. Местная федерация отраслевых профсоюзов обладает высшим суверенитетом на общем собрании всех производителей данного населенного пункта.

Её задача – организация хозяйственной жизни населенного пункта, прежде всего производства и распределения, с учетом потребностей данного населенного пункта, а также с учетом потребностей других населенных пунктов. В момент революции профсоюзы

получают в коллективное владение заводы, мастерские и рабочие места, жилье, здания и землю, коммунальное хозяйство, а также хранящиеся товары и сырье.

Распределение организуется профсоюзами производителей с использованием кооперативов или помещений магазинов и рынков.

Для того чтобы пользоваться всеми правами, необходимо иметь карточку производителя, выдаваемую соответствующим союзом, в которой, помимо необходимых для потребления сведений, таких как количество работников, должно быть указано количество отработанных дней. От этого требования освобождаются только дети, престарелые и больные. Карточка производителя дает такие права как:

1. Потреблять все продукты, распределяемые в населенном пункте в соответствии с нормированием или по своим потребностям.
2. Иметь в пользовании приличный дом, необходимую мебель, домашних животных в пригороде, земельный участок или сад, если на то есть согласие общины.
3. Пользоваться общественными услугами.
4. Принимать участие в плебисцитарных решениях завода, цеха или ямы, секции, союза и местной федерации.

Местная федерация должна стремиться к тому, чтобы быть достаточной для нужд данной местности и развивать свою специфическую отрасль, к которой она лучше всего приспособлена или которая наиболее необходима для национальных нужд.

На общем собрании работа распределяется между различными союзами, а те распределяют её между своими секциями, а также между рабочими организациями, стремясь всегда избежать безработицы и увеличить дневную норму выработки на смену рабочих в той или иной отрасли или уменьшить в должной пропорции количество часов рабочего дня на одного рабочего.

Все инициативы, не имеющие чисто экономического характера, должны быть предоставлены частной инициативе отдельных лиц или групп.

Каждый профсоюз должен стремиться к осуществлению инициатив, отвечающих всеобщим интересам, особенно тех, которые направлены на защиту здоровья трудящегося и на то, чтобы сделать труд приятным.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СПРАВОЧНИК ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЕДЕРАЦИЙ

Галисия Рыболовство (Ла-Корунья) Животноводство и Молочное хозяйство Кукуруза и картофель Яйца Алкоголь (Оренсе) Приморская сосна, дуб и каштан	Астурия Добыча полезных ископаемых (Уголь) Рыболовство Скотоводство и Молочное Хозяйство Смола Сосна и Бук Леон Сельское Хозяйство Зерновые и Бобовые культуры Дубовая древесина Ткань	Север Добыча полезных ископаемых (уголь) Бумага Рыболовство Древесина Бука и Дуба Каменная соль (Кабесон-де-ла-Саль) Искусственный цемент Молочное Хозяйство (Сантандер) Джутовые фабрики Смола Лигниты (Сантандер)
Арагон, Риоха и Наварра Сельское хозяйство, Вино Сахар (Сарагоса) Лигниты (Тэрзуэль) Лесоматериалы (Тэрзуэль) Искусственный цемент Фрукты и овощи Электроэнергия	Каталония Текстильная промышленность, хлопок Сталь, кожа, стекло Искусственный и натуральный цемент Поваренная соль и поташ (Кардона) Суперфосфаты Алкоголь Виноград Масло Рыболовство Бурый уголь (Барселона и Лерида)	Балеарские острова Масло Апельсины Яйца Рыба Супертозеиаты
Обе Кастильи Сельское Хозяйство, Зерновые Пшеница, Бобовые Фрукты, Виноград Шерсть Алкоголь (Ла-Манча) Сосновая древесина (Куэнка) Смола (Сеговия, Сория и Гвадалахара) Шёлк	Экстремадура и Андалусия Сельское Хозяйство Животноводство, Шерсть Суперфосфаты Травы (Энсина) Яйца Шерсть	Сельское хозяйство, Пшеница и масло Хлопок Черная металлургия Горнодобывающая промышленность (шахты Альмаден, Бельмез, Риотинто и Сель-да-до) Сахар (Оранда) Антрацит (Кордова) Пробка (Кадис) Трава эспарто и виноград (Альмерия) Рыболовство, тунец (Уэльва)
Левант Садоводство и Сельское хозяйство Апельсины, Рис Морская соль (Аликанте) Ткани (Алькой) Суперфосфаты (Аликанте)	Канарские острова Сельское Хозяйство Рыболовство Яйца	

Местная федерация Синдикатов

Синдикаты	Секции	Ячейки	Распределение
Продукты питания	1. Мука и Хлеб Мясо и рыба Молоко, яйца и производные Овощи и фрукты	Фабрики и хлебозаводы Скотобойни и заводы Фермы и коровники Фруктовые сады	Магазины выпечки и продуктовые ларьки Мясные лавки и киоски Уличные киоски Киоски
Одежда	1. Текстиль Кожа Одежда	Ткацкие фабрики Кожевенные мастерские Портные и сапожники	Склады
Конструкция	Архитекторы и технические специалисты Каменщики и скульпторы Плотники Художники	Строительство и мощение Работы и мастерские	
Графические искусства Преподавание	Пресса, типография, издательство, заводы, Учителя и преподаватели, Школы и университеты, Школы-интернаты		Библиотеки и газетные магазины
Здравоохранение	Врачи и практиканты Стоматологи Фармацевты Вспомогательный персонал	Выезды на дом Больничные кабинеты Лаборатории Больницы, Санатории и т.д.	Аптеки и Больницы
Коммуникация	Инженеры и технические специалисты Почта Железные дороги Телеграфы и телефоны Транспорт	Строительство и ремонт Почта, Автомобили скорой помощи Линии и офисы Электростанции и сети Тяга животных и двигатели	
Металлургия	Техники Добывающая промышленность Машины Производство	Производство и добыча Карьеры и заводы Заводы	Хозяйственные магазины
Сельское Хозяйство	Техники Сельское Хозяйство Животноводство	Сельскохозяйственные эксперты, ветеринары Фермерские хозяйства	Обмен
Транспортные	Техники Судноходы	Центры, сети	
Различные профессии			

Организация общего хозяйства

Экономическая нужда обязывает человека сотрудничать в экономической жизни своей местности. Та же самая нужда должна действовать и на коллективы, заставляя их сотрудничать в народном хозяйстве. Но народное хозяйство не должно зависеть от центрального совета и верховного комитета, которые являются зародышами авторитаризма, рассадниками диктатуры, гнездом бюрократов. Мы уже говорили, что нам не нужен архитектор и чуждая по взаимному согласию местностей разрешительная власть. Когда все населенные пункты (города, поселки, деревни) приведут в порядок свою внутреннюю жизнь, тогда и национальная организация будет совершенной. То же самое можно сказать и о населенных пунктах. Когда все люди, из которых они состоят, удовлетворяют свои потребности, экономическая жизнь муниципалитета или федерации также будет идеальной.

В биологии для того, чтобы организм был физиологичным или нормальным, необходимо, чтобы каждая его клетка выполняла свою роль, а для этого нужно только одно: обеспечить кровоснабжение и нервную связь. То же самое можно сказать и о нации. Национальная жизнь обеспечивается и нормализуется, как только каждый населенный пункт выполняет свою роль, обеспечивая кровоснабжение, которое несет то, чего ему не хватает, и освобождает от того, что ему мешает, т.е. как транспорт, который связывает один населенный пункт с другим, давая им возможность осознать свои взаимные потребности и возможности с помощью средств связи.

И здесь на первый план выходят национальные федерации промышленности – органы, подходящие для структурирования коллективизированных услуг, которые должны подчиняться общенациональному плану, такие как связь (почта, телефон, телеграф) и транспорт (железные дороги, суда, дороги и самолеты).

Над местной организацией не должно быть никаких надстроек, кроме тех, которые выполняют специальные функции, которые не могут быть выполнены на местном уровне. Только конгрессы интерпретируют национальную волю и осуществляют суверенитет, предоставленный им плебисцитарными соглашениями собраний, на косвенной и временной основе.

Помимо Национальной федерации транспорта и коммуникаций, могут существовать региональные или окружные федерации, например, гидрографическая, лесная или электроэнергетическая федерации.

Эти национальные федерации делают дороги, сети, здания, машины, аппараты и мастерские своей общей собственностью и свободно предлагают свои услуги местностям или отдельным лицам, которые сотрудничают с ними в интересах народного хозяйства: предлагают свои излишки товаров или продуктов; предоставляют себя для производства того, чего требуют национальные потребности и что им по средствам; предоставляют свои личные услуги для выполнения работ, требуемых этими службами.

Задача национальных федераций связи и транспорта – связать все населенные пункты воедино, увеличив перевозки между производящими и потребляющими регионами и отдавая предпочтение товарам, которые могут испортиться и которые должны быть быстро

потреблены, таким как рыба, молоко, фрукты и мясо.

Именно от правильной организации транспорта зависит снабжение нуждающихся и разгрузка перепроизводящих регионов.

Ни один мозг, ни одна контора мозгов не в состоянии это организовать. Индивидуумы понимают друг друга, собираясь вместе, а населенные пункты – соотносясь друг с другом. Справочник адресов с указанием производства, характерного для каждой местности, облегчит поставки, сориентирует, что можно требовать от местности и что ей можно предложить.

Необходимость заставляет людей объединять свои усилия, чтобы внести вклад в экономическую жизнь населенного пункта. Пусть необходимость заставляет и сообщества объединять свои усилия в национальном обмене, пусть кровеносная система (транспорт) и нервная система (коммуникации) играют свою роль в установлении меж-локальных связей.

Ни организация экономики, ни свобода личности не требуют дальнейших усложнений.

Окончание

Вольный коммунизм - это открытый канал для спонтанной и свободной самоорганизации общества, для социальной эволюции без искусственных отклонений.

Это наиболее рациональное решение экономической проблемы, поскольку оно отвечает справедливому распределению производства и труда, необходимого для его достижения. Никто не должен уклоняться от необходимости сотрудничества в производстве, ибо сама природа навязывает нам этот суровый закон труда в климате, где пища не производится спонтанно.

Экономическая нужда - это социальный узел. Но она является и должно быть единственным ограничением, которое коллектив может оказывать на индивида.

Все остальные виды деятельности - культурная, художественная, научная - должны быть оставлены вне контроля общества, в руках групп, которые стремятся их культивировать и пропагандировать.

Поскольку обязательный рабочий день не исчерпывал бы, как не исчерпывает и сегодня, способности человека к труду, то кроме контролируемого производства существовало бы и другое, свободное и спонтанное производство, плод увлечения, энтузиазма, который находит удовлетворение и вознаграждение в самом себе.

В этом производстве бьется зародыш другого общества, того, которое анархизм возвеличивает и пропагандирует, и когда оно обеспечит потребности общества, оно сделает ненужной экономическую опеку организаций над индивидами.

Против нас выдвигается тысяча возражений, настолько пустых в своей общности, что они не заслуживают опровержения. Одно из них, и оно часто повторяется, - это возражение против лени. Лень - естественный плод изобильного климата, в котором природа оправдывает лень, делая человека ленивым. Мы признаем право на лень при условии, что тот, кто хочет им воспользоваться, согласится сделать это без помощи других.

Мы живем в обществе, в котором ленивые, неумелые, антисоциальные люди процветают и пользуются изобилием, властью и почестями. Если они откажутся от всего этого, то нет никакого вреда в том, чтобы сохранить их, выставить в музеях или в выставочных залах, как сегодня выставляют ископаемых животных.

Общество будущего. Анархический коммунизм

Мировой экономический кризис. Симптом смерти капиталистического общества

С социальными формами происходит то же самое, что и с человеком: они рождаются с трудом, борясь с многочисленными препятствиями и преградами; они растут и развиваются, пока не достигнут определенного предела, и, перейдя этот предел, начинают угасать, стареть и умирать. Этот предел развития определяется у всех живых существ утилизацией усваиваемой пищи, так сказать, снижением потребления, и старость наступает, как только появляется неспособность утилизировать или уничтожить проглоченную пищу.

Именно это и происходит с капиталистическим обществом. Наибольшего расцвета и великолепия оно достигло в индустриализме, в овладении машиной, в развитии техники. Оно было способно производить все товары в огромных количествах, по невероятным ценам, все больше обходясь без труда рабочего. Этому росту был положен предел, к которому мы сейчас приближаемся: товаров стало производиться больше, чем мог поглотить рынок, а избыток рабочих оказался настолько велик, что безработные образовали настоящие армии голодающих во всех странах промышленного прогресса.

Избыток товаров налицо: для поддержания рыночных цен в Северной Америке приходится сжигать 8 млн. мешков пшеницы. Кофе сжигается в Бразилии, где стоят локомотивы. Закрываются фабрики, парализуются горнодобывающие предприятия. А число вынужденных безработных в мире оценивается в 30 млн. человек. Капитализм, не сумев реализовать на практике весь механический прогресс, который допускает техника, не выжав все соки из рационализации труда, не дав науке того совершенства, которое она обещает дать, капитализм, повторяю, задыхается; он объявляет себя неспособным продолжать увеличивать и удешевлять производство, продолжать делать жизнь возможной для всего человечества. Если он хочет продолжать жить, то должен уподобиться неработающему организму, отказавшись от прогресса и обрекая на голодную смерть многомиллионную армию существ.

Он обречен на смерть своими вопиющими противоречиями: чем больше половых контактов, тем больше голода. Он запрещает контрацепцию во всех странах, опасаясь сокращения

населения, закрывает границы, имеет все больше безработных и мечтает о всемирной войне, чтобы избавиться от перенаселения. Он отказывается от политического прогресса, от демократизации правительств и либерализации государств, протестуя демократию и свободу, бросаясь в объятия диктатуры, усиливая тиранию государства и обрекая народ на унижительное рабство у фашизма.

Классовое сознание, симптом зарождающейся жизни общества

Всякий раз, когда живое существо или живая форма начинает распадаться, чтобы умереть или исчезнуть, происходит прорастание и рождение новой формы или нового существа, которое должно прийти ему на смену, ибо в природе ничто не теряется, ничто не уничтожается, все преобразуется и эксплуатируется, как материя, так и энергия. Философия первой сказала рабочему: *«Ты – человек, лишенный всех прав, ибо при рождении ты нашел все достояние природы разделенным; ты – раб организации государства, которое следит за тобой своими учреждениями, чтобы ты не взбунтовался; Ты – эксплуатируемое существо, выжатое, как лимон, в руках капитализма, который выбрасывают, когда в нем больше нет сока»*. Но именно жизнь, роковые обстоятельства, в которых он живет сегодня, и исторический опыт по мере его прохождения говорят ему голосом более убедительным, чем философия, что он – эксплуатируемое и ограбленное существо, которому нечего терять и все нужно завоевать. Что государство держит в своих руках всю власть, отнятую у индивида, и опирается на силу наемных работников, братьев-отступников своего класса. Оно держит их в невежестве, опиумом религии или опиумом светского образования.

Он разжигает в них дурманящий патриотизм для того, чтобы пустить их на военную войну. Все основано на его классовой кротости, на его светской наивности, на его великой привычке глупца, predetermined ко всем обманам. Именно в таком состоянии унижительного рабства капитализм берет его, чтобы обогащаться за счет его пота и тонко эксплуатировать его.

Освободительное движение пролетариата, руководимое философскими, идеологическими концепциями нового общества, рождалось в самых враждебных условиях, ему приходилось противостоять самым яростным натискам, преодолевать самые соблазнительные отклонения и обманы.

Политики с их оппозиционными программами, полными самых ослепительных обещаний, сводят на нет многие усилия, тратят время на пустопорожние турниры и карьеру, которая неизбежно заканчивается вознесением шарлатана на плечи чистого избирателя. Разочаровавшись, пройдя по всем ложным путям, ему удастся сориентироваться и найти верное направление.

Борьба продолжается

Капиталистическое общество, цепляющееся за диктаторские формы правления и все глубже погружающееся в экономический кризис и неспособность выровнять экономику. И все более пробуждающийся и восстающий пролетариат, который пытается разрушить старое здание, чтобы построить на его руинах режим большей социальной справедливости и равенства, более рациональный и более гуманный. Это решающая борьба между тем, что не отказывается умирать и защищается со всей жестокостью организованного насилия, и тем, что борется за жизнь, освобождаясь от обломков, в которых ему предстоит утонуть. В природе новое всегда побеждало старое, зарождающееся и неконкретное – дряхлое и законченное. Не надо быть пророком, чтобы предсказать будущее.

Право на социальное богатство для немногих в обмен на голод и лишения для многих может быть основано только на силе.

Экономический хаос капитализма, поклоняющегося золоту, приносящего ему в жертву жизнь и здоровье человека, может сохраниться только в том случае, если он построен на цезаризме государственного института. Современное рабство, тяжким бременем навалившееся на пролетариат, может быть утверждено только в жесткости государственной организации:

Стоя перед лицом всех судей, не соглашаясь с концертом льстивых голосов, анархизм представляет государство как основную причину эксплуатации рабочего, как основную причину человеческого несчастья.

Государство

Речь идет не только об управлении государством. Неважно, как оно называется. Будь то монархия или республика, диктатура или демократия, государство - это сложный институт, укорененный в жизни нации, который держит в своих руках все виды человеческой деятельности, чтобы заставить людей поверить, что без его посредничества ничего не может быть сделано. У него есть Конституция, в которой все права граждан условны и зависят от усмотрения правителя.

У него есть кодексы, предусматривающие наказание за любое превышение полномочий индивида, карающие за все, что может подорвать силы Власти. Магистрат, отвечающий за отправление этого фарса правосудия. Тюрьмы для заключения в них тех, кто осмелится действовать по собственному усмотрению или восстать против установленного порядка. Полиция, вооруженные силы, стрелки и наёмные убийцы, которые, как и палачи, убивают и расправляются, когда им приказывают. И, наконец, армия, которая работает на мир, готовясь к войне, и которая является школой жестокости для всех полезных граждан.

Гражданин должен избегать всего, что запрещает государство, и делать все, что оно приказывает. В этом и состоит порядок. Нет ни одного вида деятельности, который не был

бы каталогизирован и не был бы расписан по полочкам. Все его права записаны под грифом "если власть не сочтет нужным...", что означает не утверждение и гарантирование права, а его отрицание. Человек - раб этих рамок. В этих рамках он лишен инициативы, свободы, права голоса и разума. Государство защищает его, когда он хочет обречь себя на голодную смерть, и когда оно хочет легально эксплуатировать нуждающихся.

Чтобы заманить его в игру и приучить к своей тирании, оно время от времени предлагает ему иллюзию выбора правителей, арбитров этого института. Каждый гражданин может стать богатым, если выиграет в лотерею. Каждый может стать могущественным, если сумеет быть избранным во власть. В этом и заключается суть демократии. На протяжении многих лет недовольные и лишённые наследства люди возлагали надежды на улучшение своего положения путем смены власти. Остались и те, кто возлагает надежды на завоевание государства, в чем государственные коммунисты ничем не отличаются от фашистов. Подданный Муссолини живет в таких же цепях, как и подданный Сталина. Доктрина одна и та же: Муссолини предлагает максимальную жесткость государства, чтобы посадить пролетариат в цепи, убив его бунтарство. Ленин использует ту же диктатуру против капитализма, но пролетариат тоже оказывается в цепях. В обоих случаях торжествует государство.

В обоих случаях подавляется свобода личности. Выход для пролетариата, поработанного государством и эксплуатируемого капиталом, лежит в анархистском направлении: в упразднении государства. Только в этом направлении он может эмансипироваться и освободиться.

Ибо зло государства не зависит от тех, кто им управляет, как и зло денег не зависит от тех, кто ими владеет. У власти все люди одинаково ненавистны и деспотичны, в обладании богатством все прожорливы и ненасытны, все забывают о страданиях голодных. Как алкоголь, деньги - это яд для человека, не дающий ему ни добродетели, ни совершенства, но, с другой стороны, они выпивают его мозги, заставляя его терять простоту и достоинство человека.

Людей объединяет то, что является общим

Общность жилья, питания и привязанностей - это истоки семейного союза. Общность места жительства и интересов объединяет соседей по деревне, а также тех, кто имеет одну и ту же профессию. Общность родины объединяет жителей одной территории, тех, кто говорит на одном языке или имеет одну и ту же связь с климатом. С другой стороны, то, что разделяет людей, - это частная собственность, твоя и моя. Между братьями - владение предметом или раздел имущества. Между соседями - граничащая собственность.

Между гражданами - разные обычаи или разный климат. И чем сильнее разобщенность, чем ярче ненависть, тем сильнее выражена дискриминация и тем несправедливее распределение вещей. Поэтому частная собственность на природные или искусственные

блага является глубокой причиной вражды и войны на смерть, когда она достигает тех масштабов раздражающего неравенства, о которых мы сегодня сожалеем. То же самое можно сказать и о распределении власти, накопленной в избытке одними в ущерб тем, кто остался беззащитным.

То же самое можно сказать и о распределении знаний, которые концентрируются у одних, у тех, кто имеет академическую степень, в ущерб и за счет тех, кто ничего не получил.

Социальный мир, мирное и спонтанное сосуществование, к которому стремится человек, может быть достигнут только в том случае, если пользование богатством, властью и знаниями станет как можно более общим. Для того чтобы это пользование было общим, необходимо, чтобы никто не владел им за счет или в ущерб другому, но чтобы все имели доступ к той его части, в которой они нуждаются или которой хотят пользоваться.

Такова цель коммунизма, который мы называем **вольным** или **анархическим**, чтобы отличить его от "социалистического" или государственного коммунизма, который в России не обобществил ни капитал, ни власть, ни знания – три вещи, на которые большевистское государство установило монополию, оставив трудящемуся обязанность работать, платить и кормить паразитов.

Человеческое братство может быть основано только на общности интересов, на совместном владении природными благами, на совместном несении тягот труда.

Стремления человека

Человек носит в себе неутолимую тягу к благополучию, к свободе, к знаниям. Это тот импульс, который ведет к непрерывному прогрессу и побуждает его к самым напряженным действиям.

Благополучие, которое заключается в возможности удовлетворить потребности своего организма, освободиться от тягот труда и дискомфорта жизни.

Свобода распоряжаться собой на свободном от природы поле, не наталкиваясь ни на забор, ни на капризы своих собратьев.

Жажда познания, проникновения в тайны природы и завоевания науки.

В этих трех стремлениях пролетариату отказано, и в таком порядке они составляют стимул к его освобождению. Во-первых, право на жизнь, на удовлетворение самых насущных потребностей. Затем право распоряжаться собственной жизнью, собственной инициативой, иметь возможность без чьего-либо давления распоряжаться своими делами. И, наконец, завершить эти завоевания Знанием. Для всех людей порядок предпочтений не одинаков, а варьируется от одного к другому, в зависимости от их характера и образа жизни. От того, кто в обмен на пищу жертвует своей свободой, находясь в покое в казарме, в тюрьме или на службе у государства, до того, кто предпочитает свободу превыше всего, отказываясь от

комфорта и благополучия.

Именно культивирование всех этих трех качеств, а также чувства собственного достоинства, которое есть не что иное, как завышенная самооценка, акцентирует бунтарство человека, побуждает его к восстанию против государства и основанного на нем капиталистического общества.

Итоги

Увеличение максимума общего для людей - вот что такое КОММУНИЗМ. Уменьшать его, сводить к яслям, как это сделал большевизм, - это ложный путь завоевания государства, потому что он представляет собой отрицание коммунизма и потому что в конечном счете именно государство является тем, кто его отрицает. Завоевание государства - это ложный путь, потому что оно представляет собой его отрицание, и потому что в конечном счете именно государство является завоевателем, извращающим благонамеренных людей соблазном командования, который опьяняет не хуже алкоголя. Власть должна быть общей, чтобы каждый мог использовать ее для защиты своей свободы. КОММУНИЗМ, чтобы иметь право называть себя таковым, должен называться АНАРХИЧЕСКИМ.

Это понимали и те, кто при введении его в России утверждал, что всё идет к анархии, и оправдывал диктатуру как временную, о чем всегда старались говорить все тираны.

Концепция Вольного Коммунизма

ОПРЕДЕЛЕНИЕ – Вольный коммунизм – это форма общественного устройства, при которой управление людьми заменяется коллективным управлением вещами. Хотя это определение предельно ясно, оно нуждается в пояснении. Речь идет о том, чтобы найти такую основу для социального сосуществования, которая гарантировала бы основные права человека: право на удовлетворение своих потребностей и право распоряжаться собой, т.е. право на жизнь и свободу. Оба права являются основой благосостояния, поскольку голодающий не является свободным, а раб – удовлетворенным. Более конкретно: коммунизм предполагает не столько общность благ, сколько наличие коллектива, который в первую очередь занимается управлением экономикой таким образом, чтобы удовлетворялись потребности всех ее составляющих. А чтобы этот коммунизм был вольным, в нем не должно быть накопления силы или власти, угрожающих свободе личности.

Мы знаем, что существующая организация, т.е. государство и частная собственность, должны быть уничтожены, причем уничтожается только то, что может быть заменено на полезное.

Более важным, чем точность определения, является разработка концепций по различным детальным вопросам, возникающим в связи с его реализацией, по которым существует больше возможностей для различных мнений. Хотя верно, что эксперимент в конечном счете определит наилучшие решения, необходимо проанализировать их и заранее определиться с конкретным решением.

СТРУКТУРА – Мы представляем себе новую структуру как федерацию автономных коллективов. Чем проще и элементарнее будут эти базовые коллективы, тем проще и легче будут решаться проблемы и тем доступнее они будут для устремлений и интересов входящих в них людей.

Несмотря на то, что Национальная конфедерация труда имеет идентичную структуру, которая может служить образцом для всего общества, не все согласны с тем, что вольный коммунизм должен иметь профсоюзную структуру, считая, напротив, что она должна уступить место различным формам организации. По своей сути синдикат – это производственная структура, она может быть и распределительной, но наряду с ней могут существовать и другие формы коллективизма, с более широкими интересами, менее специализированные, а значит, более человеческие. Основой организации должна быть община в целом, небольшие сельские ядра, состоящие в большинстве из крестьян и нескольких ремесленников или социальных служащих. Они будут представлять собой коммуны или свободные муниципалитеты. В поселениях с большим разнообразием и менее

однородной деятельностью необходимы союзы, объединенные в местные федерации, организация которых может сосуществовать с более общими объединениями, такими как группы соседей или частичные или полные советы населенного пункта. По моему мнению, эти две формы или ядра коллективной организации, исключительно экономические и политические, или общественные, не являются несовместимыми, они дополняют друг друга и даже должны сосуществовать, как того требует сама сложность современной жизни.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНОСТЬ – Инстинкт общительности, потребность во взаимной поддержке и признание преимуществ объединения являются ассоциативными импульсами, вместе с чувством солидарности, к образованию коллективов и их объединению друг с другом. Анархизм не допускает иной формы принуждения индивида, кроме морального, то есть отстранения или презрения к несимпатичному или тщеславному безволию. Однако на устах многих сразу же возникает фраза, выражающая одну из форм экономического принуждения и социальной справедливости: «Не работаешь – не ешь». Именно Национальный конгресс должен выразить мнение Конфедерации по поводу этой формы принуждения.

ФОРМА СОБСТВЕННОСТИ – Система собственности на богатство и средства производства, находящаяся в ведении общества и доступная тем, кто хочет производить, не подлежит обсуждению. Упразднение частной собственности и накопления богатств – необходимая гарантия экономической свободы. Но эта непримиримость к частной собственности не может доходить до отрицания ее в вещах личного пользования, в том, что является продуктом личной деятельности человека. Я не верю, что можно логически отрицать узурфруктуарную собственность на мебель, одежду и на вещи, обладание которыми не означает лишения или несправедливости. Что касается собственности на землю – «Земля для тех, кто ее обрабатывает», - то необходимо различать землю, используемую для производства предметов первой необходимости, и землю, используемую для производства продуктов питания или растений на индивидуальный вкус, таких как сады и огороды, или опытные участки, на которых должна соблюдаться узурфруктуарная собственность.

МОДАЛЬНОСТЬ ТРУДА – Так же, как мы различаем собственность, мы должны различать и труд. Производство предметов первой необходимости требует определенного количества труда, который должен быть распределен между полезными членами общества путем установления рабочего дня, а иногда и рабочей смены. Коллективный труд предполагает соблюдение организации труда и производственной дисциплины. На периферии этого труда, контролируемого коллективом, будет находиться добровольное производство, свободное, по индивидуальной инициативе. Может ли этот добровольный и инициативный труд служить освобождением от коллективного управления?

НАПРАВЛЕННОЕ ИЛИ СВОБОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО? Первое условие успеха нового общественного строя – изобилие предметов первой необходимости. Это облегчает распределение и устраняет самую главную причину недовольства. Если первой революционной задачей должно быть сохранение нынешнего объема производства, то второй – его неограниченное увеличение, пока не будет достигнуто более реальное изобилие, чем то, которое послужило причиной кризиса капитализма. Это техническая проблема, но также и проблема организации: воли и людей, «способных нести послание

Гарсии».

ОТ КАЖДОГО ПО СПОСОБНОСТЯМ – Эта первая часть формулы включает в себя вопрос о соединении рук в производственной деятельности, в котором нельзя не учитывать личные склонности и личные вкусы тех, кто, занимаясь паразитическими или антисоциальными профессиями, должен будет соединиться с новой формой экономики.

КАЖДОМУ – ПО ПОТРЕБНОСТЯМ – Эта формула новой распределительной справедливости может быть справедливо решена только в условиях изобилия и предоставления возможности, как в общественном снабжении, каждому брать то, что ему нужно, по его желанию; но к ней необходимо максимально приблизиться, нормируя то, чего не хватает. Именно здесь необходимо разобраться с процедурой замены денег как признака накапливаемого богатства. Потребление по ваучерам, единообразно использовавшееся в ходе коротких испытаний в Испании, является временным, но обманчивым средством, для которого необходимо искать лучшее решение, модулем которого могли бы стать железнодорожные или километровые проездные билеты.

ОБМЕН БЕЗ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ – При обмене продуктами между сообществами мера их стоимости не будет вмешиваться, все они будут эквивалентны в том, что касается необходимых продуктов, независимо от того, каких усилий они требуют и какую пользу приносят. Понятие стоимости чуждо коммунистической экономике, а значит, и мера стоимости, представленная валютой, которую можно назвать «яблоком раздора», тоже не нужна.

Я не думаю, что исчерпал все аспекты и особенности этой темы, которая станет предметом обсуждения всех профсоюзов, чтобы снизу доверху прийти к соглашению о гармонии различных критериев, которые должны быть выражены.

На пути к коллективной интерпретации Вольного Коммунизма (1933 год)

[1] До настоящего времени существуют лишь отдельные трактовки, отдельные концепции вольного коммунизма. Различные концепции, пользующиеся благосклонностью конфедеральной общественности, не пытались объединить и примирить в едином доктринальном соглашении. Анархический дух, уважая индивидуальные критерии и саму возможность интерпретации идеи, не прилагает больших усилий к тому, чтобы конкретизировать различные изложения в единой программе. Практически все интерпретации могут быть преобразованы, и среди них будет преобладать та, которая дает наибольшие преимущества или удовлетворение. Это было бы предпочтительным способом отбора. Свободная конкуренция и взаимное тестирование. Единообразие, которое нас интересует, - это практическое единообразие.

Именно оно достигается в процессе реализации, ибо от другого, реализованного в словах, написанных на бумаге, нам – анархистам и антиполитикам – ни холодно, ни жарко. Единая трактовка вольного коммунизма имеет значение для пропаганды, как ответ тем, кто постоянно спрашивает нас о программе, как исполнение доброй договоренности внутри C.N.T. и как средство облегчения ее реализации путем облегчения первых шагов.

Исторический опыт должен научить нас не придавать большого значения письменному пункту, сохраняя энтузиазм для объединения движения в практической реализации. До сих пор люди, движимые политической доверчивостью, тратили все свои силы на то, чтобы записать на бумаге свои права и стремления, не добившись ни малейшего практического требования.

Тем не менее, необходимость объединения различных концепций и конкретизации их в программе-минимум в целом ощущается боевиками C.N.T., и можно надеяться, что она будет реализована на очередном национальном съезде, который объявлен на конец мая.

Определить программу-минимум представляется несложной задачей, и в настоящее время предпринимается попытка сформировать ее из тех устремлений, которые являются общими для всех различных трактовок. Ориентиром могут служить следующие положения:

1. Автономия индивидуума в пределах населенного пункта, без каких-либо ограничений, кроме тех, которые в каждый данный момент согласованы с общим собранием. Автономия населенного пункта без каких-либо ограничений, кроме тех,

которые в каждом конкретном случае согласовываются региональными или национальными конгрессами.

2. Обязательное объединение, под страхом экономической нужды, для производства и потребления, в пределах каждого населенного пункта, или в пределах каждого профсоюза, или соседского объединения. Обязательное объединение населенных пунктов в регионе и регионов в нации или полуострове, с той же экономической необходимостью, для обеспечения местной экономики и нормализации национальной экономики.
3. Федерализм в группах и уважение воли большинства во всех вопросах экономической деятельности: рабочее время, увеличение или уменьшение производства, выбор работы, система обработки земли, точные требования к потребителю, методы распределения и т.д.; таким образом, чтобы местные особенности были совместимы с коллективными потребностями.
4. Максимальное ограничение бюрократии, как паразитической и стерилизующей, обеспечение того, чтобы административные должности не освобождали от сотрудничества в производстве.
5. Отказ от отправления правосудия как от задачи, превышающей человеческие силы, и, когда это необходимо, подчинить его суду общества. Оборонительная функция армии не должна быть централизованной, в ней должны участвовать все производители. Армия должна быть всем обществом, а техническая специализация должна быть добровольной и свободной.
6. Подавление всех видов привилегий, уравнивание всех с одинаковой обязанностью производить, с одинаковым правом пользоваться общим богатством, с одинаковым правом пользоваться благами образования и культуры, с одинаковой долей власти и с одинаковым участием в социальной ответственности.
7. Широкая свобода личности в той мере, в какой она не является экономическим императивом коллектива. Но эта свобода будет зависеть не от какого-либо устного или письменного соглашения, до или после революции, а от решимости самого человека отстаивать ее и от того, насколько коллективизм может ограничить ее.
8. абсолютная отмена всех видов частной собственности. Индивид может обладать по обстоятельствам или в жизни всем, что общество согласится ему предоставить;
9. Высшим законодателем является общество. Все соглашения действительны до тех пор, пока те, кто их принимает, не решат их аннулировать. Никто не может подорвать фундаментальное и неотъемлемое право человека жить и быть свободным.

Такой могла бы быть наша программа в этом стиле, но, повторяем, мы заинтересованы не в ее конкретизации, а в ее реализации. Для нас важно, чтобы она была согласована. Важно, чтобы она была выполнена. Чтобы отстоять свое естественное право на жизнь и свободу, человеку не нужно ссылаться на статью или показывать бумажку. Общество защищает его не тем, что осуждает его, а тем, что не позволяет никому сделать закрытой ни землю, ни знания, ни власть, ни правосудие.

[1] С тем же названием и теми же концепциями, хотя и в другой формулировке, он написал еще одну статью в барселонской газете Solidaridad Obrera 2 апреля 1933 г.

Очерк Вольно- Коммунистического общества

В основе Вольного Коммунизма лежит личность, ревностно охраняющая свою независимость. Она обладает всеми правами, потому что никакая конституция или кодекс их не гарантирует. Она будет объединяться с другими, потому что человек по своей природе общителен и потому что он найдет преимущества в коллективной жизни. В изоляции человек не может производить то, что ему нужно, и не может быть самодостаточным. Робинзон был вынужден это делать. Человек хочет освободиться от труда, который всегда был навязан рабу. Современный раб должен быть машиной. Совместный труд менее неприятен, более терпим, чем изолированный; он лучше принимается, потому что никто от него не свободен; он дает больше результатов, потому что способности развиваются, а недостатки нейтрализуются. Человек свободен, поскольку он делает это по собственному побуждению, объединяется с теми, кого он выбирает: для производства необходимого; для обсуждения общих дел; для образовательной или культурной деятельности; для развития инициативы любого рода.

Чем больше у них общего или приятного, тем сильнее союз между людьми. Имея одно и то же место жительства, одну и ту же землю и природные богатства, разделяя одинаковые потребности, люди объединяются с той близостью, которую дает повседневное сосуществование, в каждом населенном пункте, составляя муниципалитет или свободную коммуну, которая находит свое коллективное выражение в собрании, в общем собрании, где все имеют одинаковый голос и одинаковые прерогативы, где высказываются мнения и взвешиваются мнения. Это спонтанный и глубоко укоренившийся институт, общий для всех народов, несмотря на уродство, наложенное на него политикой и вмешательством государства.

Как в коммуне каждый человек сохраняет свою независимость и самостоятельность, распоряжаясь по своему усмотрению тем, что принадлежит только ему, так и местность объединяется с другими в соответствии с тем же жизненным требованием и той же ощущаемой потребностью, без всякого принуждения к этому, и также сохраняет свою автономию и свою местную независимость, поскольку никакая посторонняя сила ее не ущемляет. Так образуются губернии, уездные и областные конфедерации, навязанные прежде всего экономическими императивами: для производства предметов первой необходимости и для распределения этих предметов. Местное объединение нейтрализует неравенство людей, компенсируя ленивых – активными, сильных – слабыми, обжор –

трезвыми, позволяя обобщить средний уровень благосостояния в каждом населенном пункте. Объединение местностей компенсирует изобилие одних местностей, недостаток или бедность других, обобщая в нации средний тип благосостояния, без неравенства, налагаемого рельефом или климатом.

Другим мощным ассоциативным импульсом является идентичность труда, сообщество профессиональных и служебных забот, что сегодня и представляет собой профсоюзы. В городах с большим населением местная ассоциация будет состоять из более мелких групп производств, отраслей или профессий, которые будут играть важную роль в коллективной организации экономики. Для того чтобы люди могли объединяться, понимать друг друга и работать вместе на общее благосостояние, в котором каждый должен участвовать с пользой для себя, не требуется ни давление авторитета, ни санкция кодекса. Так же как не нужен международный кодекс для того, чтобы все страны сотрудничали в спасении экспедиции Нобиле, заблудившейся на Северном полюсе, так и не нужен закон для того, чтобы человек, рискуя жизнью, бросился в воду ради спасения другого человека, которого он даже не знает.

Человеческое общество возможно потому, что человек – социальное животное. Государство – это всего лишь накладная бородавка, которую можно без катаклизмов ампутировать и принести немислимое облегчение страдающему от нее обществу. Если человек поддается убеждению, то нет необходимости применять к нему насилие. Насилие необходимо только тогда, когда разум не в счет и когда, как сейчас, нужно, чтобы одни были вынуждены работать, чтобы другие могли наслаждаться, и чтобы одни отказывались от всего, чтобы другие ни в чем не нуждались.

Законы – это признают даже те, кто пользуется ими сейчас, – не создают обычаев. Напротив, именно обычаи, благодаря молчаливому признанию, приобретают силу закона. Так же и со здоровьем человека. Сегодня, когда перед глазами пример крестьянина, который в восемьдесят лет живет здоровой жизнью, ни разу не обратившись к врачу, никто не станет утверждать, что медицина – залог здоровья, но как только с годами, а судя по тому, как мы идем, забота о здоровье станет частью всех наших действий, начнут говорить, что человек живет здоровым благодаря заботливой опеке врачей.

Спонтанно формирующееся общество, основанное на свободной и открытой личности, готовой отстаивать свою независимость от любого авторитарного произвола, но готовой (и здесь нет никакого противоречия) отложить ее перед лицом коллективного удобства. Здесь нет противоречия, как нет противоречия между наиболее глубоко укоренившимися в человеке инстинктами, между эгоизмом, который есть инстинкт сохранения личности, и альтруизмом, который есть инстинкт сохранения вида. Именно эгоизм делает нас общительными, когда его защищает коллектив, а альтруизм заставляет сегодня восставать против капиталистического общества.

Взяться сказать, каким будет новое общество, означало бы похвастаться отсутствующим у меня новаторским воображением или проложить канал для свободной организации жизни, на что я не могу претендовать как анархист, уважающий спонтанность и свободную инициативу. Как говорят о ребенке педагоги, уважающие его личность, анархическое

общество будет таким, каким оно должно быть, если мы позаботимся о том, чтобы его не испортить. Испания, которая, как представляется, наиболее готова начать жить по принципу Вольного Коммунизма, готовится показать этот пример.

Современное поколение

Современное поколение.

Часть I

Идеал

Не знаю, хотели ли товарищи, пишущие журнал, дать ему такое название, чтобы обозначить нечто большее, чем сознательное стремление; могу сказать, что если вначале я рассматривал его название только как выражение репродуктивного идеала, то сегодня оно представляется мне возвышенным уставом, синтезом желаний, величественным девизом поборников Совершенства Человека (телесного, психического, социального и нравственного). Определить поколения, осознающие не только свою репродуктивную роль, но и свои поступки, свои права и обязанности, свою миссию, то есть сформировать растущую группу индивидов, свободных от тирании рутины, от изнеженного господства невежества, хозяев самих себя, своих инстинктов и бурных страстей, осознающих, как, почему и в каком объеме они совершают свои жизненные действия (индивидуальные и социальные), - вот что я понимаю под сознательным поколением и вот идеал, который я исповедую.

Возрождение и искупление человечества должно основываться на возрождении и искуплении индивида, который, начав побеждать свою само-независимость, возрождать себя телесно и психически, формировать и шлифовать грани своей личности, должен начать с того, чтобы стать достойным идеала, который он воплощает, и коллектива, которого он желает; и этого чуда нельзя ожидать как добродетели идеала;

На инстинкты, как и на страсти и чувства, то есть на колодец скотства, унаследованный нами от предков, исповедуемые идеи не оказывают никакого влияния: освобождение от этого осадка, который так часто овладевает нами, - задача воспитания, интеллектуальной дисциплины; покорив этот первый оплот, мы дадим вольной работе ее самый прочный фундамент.

Я не собираюсь создавать еще одну идеологическую голубятню, навешивать на себя ярлык, чтобы отличить себя от других; если у меня есть какое-то отличие, я постараюсь, чтобы оно присутствовало в моем поведении и в моих работах; отличительные знаки будут внутри, а не на фасаде. Я не приемлю шаблонов, незыблемых правил, догм и категорических утверждений; я хочу сохранить духовную ловкость, которую я приобрел, пройдя через самые противоположные тенденции, свободу движения, исследования и сомнения; я хочу оставаться на открытом пространстве, чтобы иметь возможность созерцать весь горизонт и

открывать истину, где бы она ни находилась; истину, которая является севером моего паломничества, поскольку поиск истины, совершение добра и созерцание красоты - это самые великолепные удовольствия, которые может получить человек.

Специализация

Мы соблазняемся всем, что льстит нашей лени, всем, что решает нужды с наименьшими неудобствами. Этот предлог, который лень находит, чтобы позволить нам бездействовать, - великая умственная дикая карта - в науке обусловлена головокружением, вызванным ее расширением; она требует, чтобы все существование учебы было охвачено ею; она ограничивает общую культуру человека под предлогом углубления его знаний в определенной области; В моральном поведении мы практикуем одну добродетель, специализируемся на ней, чтобы не практиковать другие; а в идеологическом поле неопределенность, порожденная множеством пересекающихся путей, заставляет нас объединяться в группы и следовать - еще один в стаде - в направлении других; это страх идти через поле.

Специализация порождает узкие, герметичные, фанатичные и сектантские критерии; это дезориентация в науке и идеях; находясь в ментальной галерее специализации, человек видит мир сквозь дыру; он воспринимает лишь кусочек огромной панорамы, и формируемые им суждения не могут не страдать от этой ограниченности.

В моральных вопросах нам кажутся хорошими только те, кто исповедует нашу собственную добродетель; все остальные добродетели кажутся нам чудовищными. Мы настолько зажаты специализацией, что ни взаимопонимание, ни взаимное согласие невозможны; чтобы понять друг друга, надо выйти на природу, на необъятную равнину.

Кроме того, специализация ведет к рутине, к подчинению привычке, к механистичности наших действий, что прямо противоположно той сознательной жизни, за которую мы ратуем.

Анархизм и натурализм

Я рассматривал их, хотя и в широком смысле, как две разные идеологические специализации, но совместимые: в силу идентичности цели - подавления человеческой боли - и в силу философского родства; ведь они совпадают в том, что придают страданию (рабству или болезни) одну и ту же мотивацию (отчуждение от природы, нарушение ее предписаний, виктимизация окружающей среды) и возлагают решение проблемы на отсечение корней. И они дополняют друг друга, поскольку имеют дело с разными аспектами, - один искупает живое существо, другой - социальное; они конфликтуют только тогда, когда изолированы друг от друга, каждый в своем ящике, пытаясь навязать свою точку зрения.

Превосходство этих двух идеологий над любыми другими, созданными человеком, заключается в дисциплине, которой они подвергают поступки (социальные и телесные) того, кто их исповедует (нет, того, кто претендует на их исповедание), в сознательной тренировке, в широте взглядов, которую они сохраняют даже в сектантстве "специальности", и в возвышении их гуманизма.

Эти две философские системы, рассматриваемые для их писателем как идеалы завершения, к большому ущербу для обеих, я полагаю, что они выходят лучше, рассматриваемые как идеалы перехода, как инструменты, подготавливающие торжество высшего человеческого идеала; отсюда преимущество сохранения в них свободы мысли и общего видения, отсутствия ослепления фанатизмом.

Есть люди, которых идеи побуждают к ним более или менее эгоистические мотивы, которые рассматривают их как цель, как вершину, как точку отдыха от беспокойства; таков, например, больной, ищущий лечения в натурализме, или пролетарий, который обращается к анархизму, как каторжник к спасательному кругу; эти люди, скорее всего, удовлетворятся решением своей индивидуальной проблемы и займутся ею в одиночку. Но есть и такие, кто принимает эту идею как факел, освещающий их теряющийся вдали путь, как парус, который можно развеять на ветру, как посох, помогающий им в бесконечном шествии к недостижимому идеалу; они пришли к натурализму, как и к анархизму, руководствуясь светом истины, в поисках добра и красоты; между тем и другим согласие может быть только кажущимся, их сходство - только внешнее, ибо на самом деле между ними - глубокая пропасть.

Проблема прошлого

Есть неизбежная и неотвратимая, пульсирующая проблема, которая настоятельно требует своего эффективного решения, своей грубостью взывая к расшатанным фибрам нашей сентиментальности; Это **экономическое рабство** с его приправленными плодами: страданиями, столом без хлеба, домом без воздуха и солнца, угнетающим трудом и бесплодными мозгами.

Это рабство - душитель всех спасительных стремлений, кузница, где куются цепи других рабств, и чрево, где зарождаются самые жестокие болезни, оно не может не заслуживать пристального внимания натурализма и анархизма и концентрации в себе всех освободительных усилий этих идеалов; они, предпочитая любую другую искупительную систему, должны стремиться решить его с максимальной поспешностью, ибо им предстоит пройти самый длинный путь.

Рабство, породившее рабский дух, и рабский дух, породивший рабство в медленном течении веков, образовали замкнутый круг, значительно осложнивший его решение. Эгоизмы и интересы, созданные в его тени, привилегии, власти и догмы, в экономической близости оседлости, противостоят друг другу, как сытые, чтобы освободить свою добычу, и таким образом борьба приобретает братоубийственные инстинкты, и в мире появляется тень и ненависть легендарного Каина.

Но беспокойство, пробуждая спящие мозги, завоевывает приверженцев спасительной идеи, побеждает волю, создает напряжение, статическую силу, прилив, который медленно поднимается, не имея лишь предлога для эволюционного скачка, открытого Хуго де Врисом.

Вызвать осознание, как у скромных, так и у сильных, как у мудрых, так и у невежественных, как у полезных, так и у паразитов, как у сильных, так и у слабых; заставить одних осознать свою любознательность, других – свое рабство, а третьих – свою пассивность в защите несправедливости; проблема больше не является проблемой групп, партий, классов, она является только человеческой.

Разница в процедурах, разделяющая различные идеологические течения, заинтересованные в экономическом освобождении, может исчезнуть только в том случае, если каждое из них откажется от своей «специализации», а все они – от своего сектантского духа. Но освобождение должно быть эффективным, на практике, в делах, а не написанным в кодексах и нанесенным в виде скрижали на дереве.

Заключение

Наиболее эффективным рычагом совершенствования и прогресса, тем, что накладывает на наши действия печать человечности, является интеллект; но хотя все мы в большей или меньшей степени обладаем этим мозговым блеском, общий характер наших действий показывает, что они вовсе не зависят от интеллекта; они столь же рутинны, столь же механичны, как и действия наших низших собратьев по зоологической шкале; Бывает, что действие, начавшееся как разумное, становится, в силу повторения и привычки, механическим, и что неапологетично, поскольку снижает уровень человека, - это выполнение действия, можно сказать, пассивно, отдаётся бессознательному импульсу, без участия мозга; так, например, мы едим то, что нас учат есть, нам не приходит в голову спросить себя, что, как и когда мы должны есть, несмотря на всю важность этого жизненно важного действия.

Воспитание, которое мы получаем, уничтожая всякую инициативу и навязывая нам подчинение и рутину, является одной из главных причин нашего машинизма.

Интеллект, как и разум, получает тем больше преимуществ в своей работе, чем больше и многочисленнее материалы, на которые он реагирует; эти материалы – плод наблюдений и опыта (накопленного в науке или распространенного в жизни); кроме того, функция развивает орган, а деятельность органа совершенствует функцию; отсюда реальная польза от его культивирования.

Действие может быть церебральным, т.е. психически проработанным, и при этом не быть осознанным; с другой стороны, всякое осознанное действие является церебральным.

Бессознательное же может симулировать невежество, а невежество – тупость (того, что мы говорили по этому поводу на страницах журнала, думаю, достаточно, чтобы сделать тему понятной).

Сознательные поколения! Люди, которые своими делами доказывают, что они таковы; которые не подражают тому, что видят, не подчиняются обычаям, пока не подвергнут их сомнению, не поддаются страстям, не поработают себя внутренностям, пока не увидят, куда они их ведут; люди, которые знают свою психологию, чтобы уметь разоблачать бессознательное, когда оно маскируется под разумное. Именно этой работе мы посвящаем свои усилия.

Они – наши помощники: евгеника – наука, которая пытается создать в родах наиболее оптимальные условия для получения здорового, крепкого и сильного потомства.

Сознательное деторождение, распространению которого посвящен этот журнал.

Педагогика и уход за детьми, науки о ребенке, направленные на рациональное развитие всех его физических и интеллектуальных возможностей.

И натуризм, который является не только философским идеалом, но и культом здоровья и жизни, а также медицинской системой (профилактика и лечение болезней), превосходство которой над официальной медициной я постараюсь продемонстрировать в этих статьях-разоблачениях, с которых я начинаю настоящую статью.

Начнем с осознания добровольных действий нашей вегетативной жизни; это послужит полезной тренировкой и оздоровит наши организмы, составляющие «Supstractum» того разумного существа, которым мы гордимся.

Современное поколение.

Часть II

Натуризм

Натуризм – это не только медицинская система, пытающаяся лечить болезни природными средствами и предотвращать их путем повышения защитных сил организма, и философская система, ищущая решение человеческих проблем (индивидуальных и социальных) в книге природы, но и режим жизни, который путем рационального использования всех наших органических и психических возможностей стремится к достижению человеческого Совершенства.

Оставляя в стороне экстремизм и нелепость фанатизма (струп, которым страдают все доктрины) и узколюбую непримиримость «зацикленных», назову основные постулаты, на которых базируется натуризм.

Дегенерация человека, как и его многочисленные болезни, обусловлена его отчуждением от Природы и вынужденным приспособлением к искусственным средствам существования, навязанным современной цивилизацией.

Нынешний прогресс ложен и аберративен, ибо вместо благополучия человека он обеспечивает лишь благополучие касты, которая не является ни лучшей, ни достойнейшей, ни даже самой многочисленной; в ней интеллект находится на службе капитала, а не на службе человечества. При строительстве дома, прокладке улицы, расширении радиуса города гигиена и здоровье его жителей не принимаются во внимание так же, как интерес вложенного капитала, право соседней собственности, мода или прихоть строителя, а между тем все согласны признать приоритет гигиены и здоровья.

Поэтому возрождение человека может быть достигнуто путем возвращения его к природе и перевода цивилизации в разумное и гуманное русло.

Именно в нас самих, т.е. в нашем витаминизированном организме, кроется главная суть наших болезней, как и в нашем подчинении инстинктам и страстям, в нашей преобладающей иррациональности, в том, что составляет главную основу человеческих преступлений. Я сказал «главная», потому что не считаю их единственными. Как бы ни было разрушено понятие «случайность», мы знаем, что любое событие обусловлено многочисленными и сложными детерминантами, одни из которых известны, другие игнорируются, и что нельзя говорить о причине явления, которое является функцией многих

обстоятельств, как, например, в случае с болезнью, многочисленные причины которой классифицированы тысячей и методов и названы сотней способов. Так, например, для официальной медицины причиной пневмонии является препневмококк, инвазия которого готовится охлаждением; для натуропатии – гуморальные изменения, вызванные неудобным образом жизни и разрушением органических защитных сил организма в результате неупотребления и отсутствия культуры; Для других – экономический режим, вынуждающий жить неестественно и негигиенично, наследственность, унаследованная от родителей предрасположенность или слабый орган, возвышение вирулентности преукокка отвратительной социальной организацией городов, «где много очагов чумы, отсутствует антисептическое действие солнца, дышится вредной атмосферой (кафе, театры, казино и т.д.), и все они были бы правы. В нас самих заложена часть детерминант наших физических и душевных страданий; именно эту часть мы чаще всего подавляем, именно ее мы обязаны подавлять, потому что другие детерминанты, которые кишат вокруг нас, касаются общества и не могут быть подвержены влиянию изолированного индивида.

В среде, в которой мы живем, существуют вредные агенты (чрезмерный холод или жара, пища, загрязненная атмосфера, микробы повышенной вирулентности и т.д.), которые стремятся разрушить наше жизненное равновесие, наше здоровье;

Чтобы избежать этого, в нас есть силы и средства защиты, которые называются органическими защитами; в силу адаптации защитные силы совершенствуются и позволяют привыкнуть к вредным агентам, но это происходит только в определенных пределах. Болезнь есть не что иное, как обострение этой борьбы, либо усиление вредоносности вредных агентов, либо ослабление органических защит; она завершается возвращением к норме или смертью, короче говоря, восстановлением равновесия; но есть и третий путь решения хронической болезни, при котором защитные силы ослабляются и организм приспосабливается к состоянию зла.

Профилактика заболеваний заключается в том, чтобы не переступать пределы адаптации, культивировать защитные силы организма и подавлять те условия, которые усиливают вредность нормальных компонентов среды, в которой мы вынуждены жить.

Все действия нашей жизни протекают под руководством рутины и бессознательного. Мы делаем то, что видели, то, что велят нам инстинкты или требуют страсти; мы действуем с животной пассивностью; мы вынуждены отличаться от животных не только формой и языком. Вместо правильности поступка нас должна волновать его мотивация. В этом рациональном очищении мы должны начать с того, чтобы сделать наши вегетативные акты осознанными (питание, дыхание, упражнения, размножение и т.д.), независимо от того, хорош наш поступок или плох, пусть он будет хотя бы проявлением нашей сознательной воли, осознанного пытливого знания.

Пища, наиболее соответствующая нашей пищеварительной системе и нашему питанию, - это растительная пища (фрукты, овощи, злаки, корни), которой достаточно и более чем достаточно для питания человека в любом возрасте.

Прежде чем подчиняться чувственности, инстинкту или рутине, мы должны согласовать свое питание, как и все наши действия, с разумом, просвещенным наукой. Вегетарианство имеет много преимуществ перед плотоядством; вегетарианство – это диета, требующая наименьшего количества кулинарных операций, которые изменяют качество и питательную силу пищи; Вегетарианство – это диета, обеспечивающая наиболее нормальные стимулы (жевание, пищеварение, перистальтика и т.д.), предлагающая пищу в наиболее естественных и благоприятных условиях (в живом состоянии, без разложения и изменений), обеспечивающая наименьшее количество токсинов и наиболее богатая витаминами (веществами, необходимыми для жизни).

Для предписания убоя безропотных животных с целью использования их плоти в пищу есть не только сентиментальные причины: мясо (не считая рыбы) требует сложного и возбуждающего тушения, вызывает чрезмерное возбуждение желудочной секреции, а из-за скудности остатков не возбуждает перистальтику, что приводит к запорам; Они содержат большое количество ядов, поставляют отработанный, мертвый, разложившийся и измененный альбумин, являются источником большого количества заболеваний, значительно увеличивают количество вредных микроорганизмов и гнилостных процессов в кишечнике.

Существуют и анатомические причины для запрета мясной пищи, например, наши зубы и потовые железы, хотя в них нет необходимости, достаточно считать, что они нам не нужны.

Речь не идет о том, чтобы сделать закрытым вопрос о вегетарианстве; питание должно быть осознанным и рациональным, а не растительным, потому что мы - овощи, мы не будем принимать вредные, токсичные вещества, такие как кофе, чай, вино, табак и т.д. Пища должна быть трезвой (зачем есть больше, чем нужно?), приспособленной к вкусу, с низким содержанием вредных веществ и альбуминоидов, (поэтому мы будем употреблять мало сушеных овощей, сушеного сыра и пр...) с достаточным количеством целлюлозы, необходимой кишечнику для выполнения его эвакуаторной функции. Был ли человек первобытным плотоядным или растительноядным, нас интересует не так сильно, как то, вредна или полезна та или иная пища для нашего организма и нашего здоровья.

Позвольте мне сделать отступление: разум так часто упоминается, что было бы неплохо уточнить наше представление о нем; разум, а не психическая способность, которая варьируется от одного индивидуума к другому, - это умственная операция, посредством которой мы выносим суждения с помощью наших идей, противопоставляя их ценности наблюдениям и опыту; из различных известных фактов мы делаем вывод; этот разум варьируется от одного индивидуума к другому, поскольку богатство идей, вызывающих его, также варьируется; если разуму удастся нас обмануть, то это потому, что элементы, с которыми он работает, недостаточны. Я не думаю, что разум мудреца отличается от разума глупца; для последнего важно знание первого, и оба придут к одному и тому же результату.

Вредным для разума является недостаточное или неполное знание; среди идей, определяющих наш разум, одни нам известны, а другие, присущие нашей психологии или бессознательные, остаются неизвестными, хотя и играют определенную роль в наших рассуждениях; Необходимо помнить о них, когда мы ожидаем, что другие будут рассуждать

так же, как мы; среди этих неизвестных элементов – предрассудки, рутина, наши эмоции и аффекты, которыми нельзя пренебрегать; особенно последние являются человеческими элементами, достойными взвешивания на весах разума. Самые большие враги разума – это невежество, сектантство, упрямство, отказ признать иные элементы разума, кроме своих собственных.

Поэтому наша жизнь не может быть рациональной, если мы начинаем ее с игнорирования того, что приносит нам пользу или вред, но достаточно, чтобы она соответствовала разуму человека и чтобы он стремился приобрести те элементы суждения, которых не хватает его разуму.

Натуризм, как режим, стремится навязать человеку власть его сознательной воли над низшим животным началом (инстинктами, страстями, чувственностью и т.д.), прививая ему привычки самоочищения и самоконтроля; культивирования его тела естественными средствами: солнцем, воздухом, светом, водой, пищей и т.д.; тренировки его защитных сил путем умеренного загара; физического восстановления личности.

Хотя действие пищи и жизни на нравственность человека, на его чувства несомненно, поскольку они заложены в нашем организме, нравственное возрождение не может быть ожидаемо, как чудо, от добродетели натуралистского режима; оно должно быть следствием самоочищающей деятельности самого человека, самоанализа, обнаруживающего страсти и чувства, и усилия поставить их на службу воле. Это делает человека свободным от самого себя, что является необходимым условием для того, чтобы стать свободным от других.

Натуризм – это не ярлык, не значок на лацкане; чтобы быть натурастом, недостаточно назвать себя натурастом или рабски следовать его предписаниям, как догмам; натуризм должен быть в фактах, поэтому тот, кто не называет себя натурастом, может быть большим натурастом, чем тот, кто кичится тем, что он натуралист.

Современное поколение.

Часть III. Медицинский аспект натуризма

Профессиональный аспект

Помощь врача-натуропата не требует усидчивости и повторных визитов аллопата, поскольку его больше, чем развитие болезни, интересуют конституциональные и патологические особенности пациента. Среди терапевтических рецептов натуризма наблюдается большее единодушие, чем в классической медицине, где крайне редко можно встретить двух врачей, согласных с одинаковым лечением. Врач-натуропат не свободен от недостатков и пороков врача-аллопата, поскольку ему приходится добывать средства к существованию за счет распространения своих знаний. Его мышление может быть нарушено теми же обстоятельствами, что и мышление других людей; спешка, беспокойство, неприятность случая или момента, переживания и тысячи других факторов часто мешают ему максимально и наилучшим образом использовать свои знания и психику. Больной должен осознать эти тревожные мотивы и, прежде всего, убедиться в том, что неправильно доверять свои дела, а тем более здоровье, чужим усилиям. Редемпторизм уже в значительной степени дискредитирован.

Натуризм стремится сделать врача ненужным, предоставив каждому владеть интеллектуальным достоянием, которое является хранителем здоровья и жизни. Для этого он старается подавить причины болезни в человеке, навязывает гигиенические привычки, отказывается от всего вредного, упрощает терапию и делает лекарство достигаемым для любого интеллекта и любого кармана. Трофология (наука о питании) сделала огромный шаг вперед в унификации средств лечения, которая является венцом унификации болезни. Профилактика болезней не может быть возложена на деятельность врачей, ее нельзя ожидать от дезинфекции, антисептики и вакцинации. Ее должен достичь человек, освободившись от пороков и проступков, укрепив себя в контакте с природой, борясь со своими недостатками и предрасположенностями, и общество, искоренив социальные институты, способствующие ее развитию.

Препятствия на пути к его распространению

Натуризм открыто вступает в противоречие с официальной наукой, с общим мнением, с предрассудками и представлениями, закрепленными обычаем, но особенно с бессознательными висцеральными глубинами личности; приобретенные привычки вызывают раздражение, а внутренний мир противостоит яростному сопротивлению угрожающей ему диверсии.

Раб порока, лентяй, абулик, тот, кто занял свою позицию, окажет такое же сопротивление натуризму, какое государство оказывает растормаживающим идеям. Как можно принять идеи, которые стремятся ниспровергнуть устоявшийся порядок, в котором было столько спокойствия, навязывая жертвы, усилия воли и лишения, не имея иной компенсации, кроме удовлетворения от победы над самим собой?

Натуризм не вызывает такого отвращения, как участие бессознательного, если не считать неправильного обучения, невежества или ошибочного опыта.

Болезнь с ее хроническим течением, против которой так бессильна официальная медицина, приводит многих к натуризму, как экономическая зависимость приводит других к анархизму. Но меньше всего тех, кто принимает эти идеологии без отвращения.

Освобождение личности

Повсюду нас окружают цепи. Мы – рабы общества, его институтов, его беззаконий, его догм и обычаев. Мы – рабы своего тела: его страстей, слабостей, осадка животности.

Мы даже рабы тех, кто нас окружает: рутинная диета делает нас зависимыми от помощи окружающих, от помощи кухни, которую называют «женской клеткой». Я далек от того, чтобы приравнять различные формы рабства друг к другу; моя чувствительность позволяет мне воспринимать всю боль и отчаянное нетерпение экономического рабства, являющегося матрицей всех остальных. Я понимаю и материальную невозможность освободиться от всех, как, например, от тех, кто зависит от нашей природы, но если бы я не видел этого на практике, то не мог бы представить себе, как может претендовать на освобождение от одного рабства человек, который с удовольствием терпит другие, даже те, которые от него зависят. Натуризм способствует целостному освобождению человека.

Он избавляет его от болезней, от пороков, от висцерального дисбаланса; очищая его вкусовые ощущения, он не нуждается в кулинарных возбуждениях; сыроядение делает ненужным приготовление пищи и обсаживание. Тот, кто начинает с независимости от других, лучше приспособлен к независимости от самого себя.

С чего начать?

Для анархизма первым должно быть уничтожено социальное рабство, поскольку экономическое и политическое рабство закрепляет и поощряет остальные. Для натурализма же индивидуальная свобода – самоотречение, самонезависимость – должна быть основой всех остальных и гарантией эффективного интегрального освобождения.

Мы должны сначала достичь того, что находится в наших собственных руках, как основа для достижения того, что может быть достигнуто только коллективно. Эти два идеала, однако, не повторяют друг друга, а взаимопроникают; из их взаимопроникновения, из их интимного слияния рождается сияющий свет, возвещающий новый день и лучшую жизнь, построенную на более человеческих основах и в большей гармонии с природой.

Разговор о натурализме. Режим питания

В идеале, где преобладают индивидуальности, и в науке, которая еще слишком молода и продолжает развиваться, трудно найти то единство, которое характерно для стада или догматической науки. В натурализме существуют самые разные мнения не только о его философских рамках, социальной значимости или регенеративном потенциале, но и о его медицинском аспекте и определении оптимального режима питания.

В этой и последующих статьях я постараюсь указать на точки соприкосновения и согласия между натуралистами, которые могут быть затронуты благодаря тому, что все они являются вопросами, уже рассмотренными наукой. Это послужит данью тому беспокойному и жадному духу познания, который в предыдущих номерах проявился в этих колонках благодаря легкому перу товарища Каро Креспо.

Вред и нарушения, наносимые нашему организму режимом питания, закрепленным обычаями и рутиной, настолько очевидны, что не нуждаются в демонстрации. Если бы не было этих последствий, то полного отрыва от науки и пренебрежения к здоровью было бы достаточно для тех, кто стремится к совершенству, к приведению своих действий в гармонию с разумом, к поиску диеты, соответствующей его природе, которая сохранила бы его здоровье и оживила бы его организм.

Каждый человек должен стремиться контролировать свои действия: наблюдать за ними, находить их «причину» и подтверждать их или изменять в соответствии со своими знаниями или стремлениями. Самообразование, которое навязывается взрослому человеку для того, чтобы исправить ущерб от плохого воспитания или от полной педагогической запущенности, полученной в детстве. И самое главное, что заслуживает внимания в силу своей первостепенной важности, - это питание.

Обычная пища, которая служит лишь для услаждения вкуса, вредна из-за своей токсичности, неудобна из-за избытка альбумина, неестественна из-за изменения и разрушения жизни пищи и из-за преувеличенной стимуляции пищеварительной системы или

ее отсутствия.

Натуропаты единодушны в признании вреда, наносимого употреблением мяса. Наблюдение и наука показывают, что оно усиливает септику кишечника, что оно подкисляет наши газы, что оно содержит ядовитые вещества и что оно предлагает нам мертвый материал и материал, находящийся в более или менее зачаточном состоянии разложения в любой форме. Наш зубной аппарат недостаточен для жевания: из-за скудости остатков он не стимулирует перистальтику кишечника, а из-за избытка протеинов он является причиной – наследственно накопленных болезней, называемых алиментарными и входящих в понятие «артрит».

Другие, менее объективные, но не менее весомые причины заставляют большинство натуропатов запретить ее в рационе, поскольку опыт показывает, что она не является незаменимой для человека.

Несмотря на это, есть натуропаты, которые, обвиняя злоупотребления во зле, терпимо относятся к мясу, но рекомендуют употреблять его умеренно и в полдень. Такой же конформизм царит и в запрете на алкоголь, кофе, возбуждающие приправы и т.д.

Если мы хотим избежать вреда, который может причинить нам обычная пища, мы должны принять решение отказаться от нее и, соответственно, подумать о ее замене. Для этого необходимо знать, какая пища наиболее подходит для нашей пищеварительной системы, наиболее соответствует нашему питанию, наиболее полезна для нашего здоровья и бодрости, наиболее соответствует нашей индивидуальности и вкусу.

Овощи лучше подходят для нашего пищеварительного тракта, чем мясо, поскольку они лучше стимулируют его функции (жевание, переваривание, перистальтику...), меньше вызывают гниение и брожение в кишечнике, уменьшают количество микробов в кишечнике. Растительный белок, хотя и менее усваиваемый, чем животный, но более живой, более неповрежденный, менее разложившийся, а значит, должен позволить нам затратить больше энергии на метаболические изменения и снабдить наши клетки меньшим количеством отработанных материалов. В растительной пище, лучше, чем в смешанной, мы можем найти правильное соотношение между различными ее основными компонентами: альбуминами, углеводами, жирами, солями и витаминами. Неисчислимое разнообразие продуктов питания позволяет выбирать различные диеты в соответствии с индивидуальными предпочтениями и вкусами, а также с теми идеями, которые лежат в основе выбора. Поскольку достаточно доказано, что сырая пища превосходит приготовленную или требующую приготовления, а также поскольку она более естественна, в растительном царстве, особенно среди фруктов, мы можем найти большое разнообразие диет, которые, чтобы лучше усваиваться или пережевываться, не требуют приготовления или предварительной подготовки.

Не все растительные продукты обладают этими преимуществами: например, бобовые, которые являются основным продуктом питания трех четвертей испанцев, можно отнести к непригодным продуктам из-за избытка в них белков, поэтому их называют растительным мясом.

Хотя белки также являются энергетическими веществами, они дают в качестве конечных продуктов метаболизма токсичные продукты (мочевину), в то время как углеводы и жиры оставляют в качестве остатков только воду и углекислый газ.

Для того чтобы рацион был сбалансированным, он должен отвечать следующим условиям:

1. Он должен содержать нормальное и достаточное количество (не слишком много и не слишком мало) пластических (альбумины), энергетических (углеводы и жиры) и каталитических (соли и витамины) веществ. Опыт Чит-Тендена и его учеников в достаточной мере показал, и это можно доказать ежедневно, насколько повышается общая активность и особенно мышечная бодрость при минимальном количестве пластической пищи, которая необходима в младенчестве и юности, когда развитие наиболее интенсивно, и которая практически не нужна в последующем, разве что для восполнения потерь. Это количество определено в 20 г в день.
2. Предлагается в наилучшей степени естественной усвояемости и в наименьшей степени жизненного распада. Отсутствие необходимости в кулинарных препаратах и стимуляторах пищеварения. Преобладание сырых продуктов.
3. Простота, каждый прием пищи состоит из как можно меньшего количества блюд, чтобы избежать возможной несовместимости пищеварительных продуктов химического характера.
4. Адаптация к индивидуальным особенностям и, в первую очередь, к объему желудка.
5. Обеспечивать нормальную стимуляцию пищеварительных функций, не слишком сильную и не слишком слабую. Желудочный сок адаптирован к виду пищи и изменяется в зависимости от нее. Нормальным стимулятором движений кишечника является целлюлоза (неперевариваемый остаток пищи, в изобилии присутствующий в растительном мире).
6. Не содержать токсичных веществ и не быть прямой причиной заболеваний.

Когда речь заходит о применении этих основополагающих идей, начинаются разногласия. Так, например, продукты животного происхождения (молоко, яйца, сыр, масло, мед) одни защищают и считают естественной пищей, а другие запрещают из-за их происхождения и обилия белка. Их усвояемость, их характер как живых продуктов (молоко, яйца, мед), их коллоидное состояние, а также то, что они были частью естественной пищи человека – если это правда, что человек когда-то использовал естественную пищу – делают их приемлемыми в рациональном питании при условии, что их использование не преувеличивается и в условиях, при которых не разрушается их организация (сырое молоко, яйца всмятку). По мнению некоторых, усвоение определенного количества животного альбумина необходимо человеку, что не подтверждается опытом, а по мнению некоторых физиологов, от его употребления выиграет мышечная сила, но эксперименты, на которых они основывают свое утверждение, страдают существенным недостатком, поскольку не учитывается дезадаптация к естественной пище, точнее, порочная адаптация к обычной пище у испытуемых (спортсменов, которые находились на исключительно растительной диете).

Поэтому нет никаких причин, по которым продукты животного происхождения могут быть частью здорового, естественного и гигиеничного питания.

Более острой и свежей является дискуссия о несовместимости продуктов питания – вопрос слишком молодой для того, чтобы мы могли занять какую-то позицию и принять однозначные убеждения. Пища – сложная наука, о которой человечество пока мало задумывается. А ведь именно от нее можно ожидать нашего физического возрождения и особенно профилактики и лечения болезней. Ее современные данные настолько скудны и подвержены пересмотру, что пока не могут помочь нам в выборе оптимальных смесей и сочетаний продуктов питания и с трудом выявляют самые очевидные несовместимости.

Как и натуропатическая медицина, схоластическая медицина признает недостатки мясной пищи, преимущества белкового минимума, нулевую питательную силу мясного бульона и скудность, помимо токсичности, мясного сока, которые представляют ценность только как стимуляторы пищеварения.

Однако они не запрещают их так же, как запрещают алкоголь или табак, о пагубных последствиях которых они знают лучше других. Именно страх отказаться от проторенных рутинных путей и заменить их новыми, требующими освоения, именно страх сменить пассивность на постоянное усилие мешает нам воплотить свои убеждения в жизнь. А еще – необходимость не отставать от людских глупостей.

Неомальтузианство

Неомальтузианство – новая идея, открыто вступающая в противоречие с моралью и интересами современного общества. Ей противостоят гнилые предрассудки, протесты затушевывания, спекулятивные возражения.

Вряд ли они заслуживают внимания тех, кто судил общество по совести и обрек его на полное ниспровержение. Но приведем аргументы против.

Отвращение

Считается, что это аморальная идея насквозь. Потому что она требует пролить свет на сексуальность, непристойную вещь, которая всегда оставалась в темноте. Потому что она навязывает предварительное обдумывание акта, который всегда считался нечистым; поэтому считается безнравственным распространение средств сохранения венерических заболеваний. И потому, что она дает человеку власть, которая раньше принадлежала божеству: контроль над количеством детей. Разумеется, в эту концепцию безнравственности вовлечена религия, всегда мракобесная и всегда отсталая.

Она рассматривается как антисоциальная идея. Опасаются, что если обнародовать способы предотвращения беременности, то никто не захочет иметь детей. Они делают человека обиженным, считая его хуже, чем он есть на самом деле. «Если он не заклеивает и не

крадет, то только из страха попасть в сети Кодекса и санкции Правосудия, под прицел стражей порядка». «Если он воспроизводит все, что только можно, то это потому, что он не знает, как этого избежать». Вот такие упрощенные идеи, дискредитированные опытом, исповедуют люди, управляющие обществом. Действительно, рождаемость значительно снизится, но не настолько, чтобы это представляло опасность для сохранения вида. Конечно, уменьшится количество пушечного мяса и количество оружия, а из-за социальной организации пострадают ложные национальные интересы.

Но причин для беспокойства нет, поскольку контрацепция уже практикуется, с большим или меньшим успехом, образованными классами. И это уже не должно быть привилегией.

Нет недостатка даже в непредвзятых и либеральных авторитетных людях, которые борются с неомальтузианской практикой как с развратными идеями, свойственными экзальтированным мозгам, неуравновешенным существам, которые берут на себя ответственность, руководствуясь собственными идеями, устранить себя путем отказа от размножения. Нет и дотошных оппонентов, борющихся с ней во имя божественной слепоты и чарующей импульсивности инстинкта, которому мы должны отдаться с полным отказом от умственной деятельности.

В защиту

Не тратя времени на опровержение этого контраргумента, мы изложим причины, которые, на наш взгляд, подтверждают неомальтузианство.

С точки зрения биологической морали, единственной морали, заслуживающей уважения на данный момент, все, что способствует благополучию и счастью отдельного человека, - хорошо (благополучие и счастье общества очень трудно интерпретировать), а все, что вызывает несчастье или человеческую боль, - плохо. Поэтому многодетная семья безнравственна, поскольку влечет за собой порабощение матери, разрушение ее организма, отсутствие заботы о детях и даже их неполноценное или плохое воспитание. Это тем более аморально, чем ниже материальное положение матери. С другой стороны, нравственно ограничивать себя в рождении только тех детей, которых можно хорошо воспитать и дать им образование.

Высшее зоологическое качество, достойное превосходства человека, - это владение своими действиями, и прежде всего контроль над своими инстинктами. Быть хозяином репродуктивного акта, а не рабом его - благородное стремление, достойнейшее человека. Это логическое следствие их стремления к прогрессу и совершенству. Воспользоваться наилучшими условиями для воспроизводства, избежать риска увековечить себя при неблагоприятных условиях, знать, как избежать рождения больного ребенка, ограничить воспроизводство возможностями и стремлениями человека - это элементарные желания, победить которые - задача самого человека.

Если нет более серьезного и трансцендентного акта, чем репродуктивный, то ни один из них не заслуживает более серьезного размышления, чем он.

Но это еще не все. У человека есть физиологическая потребность, от нормального удовлетворения которой зависит равновесие сексуальности, а зачастую и духа. Репродуктивный акт зависит от него, но не соответствует его потребностям. То есть не каждый раз, когда возникает потребность в удовлетворении императива полового инстинкта – самого расточительного источника чувственного наслаждения, – репродуктивная сеть ощущается и может быть удовлетворена одновременно. Поэтому, если они расходятся во мнениях, а бывают случаи, много случаев, когда половой акт не может быть репродуктивным, но необходимо, чтобы он таковым не был, то контрацептивные практики уже оправданы. Современный дух уже утвердил право на нерепродуктивный купол, право на наслаждение любовью ради любви.

Далее, есть конкретные причины, холодного разума, например, медицинского и евгенического порядка. Случаи женщин, которые не могут иметь потомство из-за болезни или плохого органического строения. Случаи людей, которые не должны размножаться, поскольку страдают наследственными заболеваниями или передаваемыми по наследству болезненными дефектами. Список длинный, и многие из них не представляют сложности для врача, который обязан предоставить необходимые сведения. Однако, поскольку многие врачи все еще скованы предрассудками, а то и вовсе неспособны по незнанию вопроса, нередко врач доверяет все «божественной воле», что нередко приводит к гибели матери при невозможных родах и появлению на свет существ, обреченных страдать и служить тяжким бременем для общества.

Истоки

Нельзя не упомянуть о предположении, которое дало название этой системе.

Английский протестантский пастор Мальтус в мастерски написанных и хорошо документированных книгах, которые до сих пор не потеряли своей актуальности, показал существующее несоответствие между приростом населения и приростом продуктов питания. Если первое происходит в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8 и т.д.), то продовольствие – в арифметической (1, 2, 3 и т.д.), из чего следует, что наступит день, когда продовольствия будет недостаточно для поддержания численности населения земного шара. Рост численности населения сдерживается эпидемиями и войнами, которые тем более благоприятны, чем больше избыток населения. Интенсивное земледелие позволяет увеличить производство земли, но существует предел как продуктивности почвы, так и условий, которым должна удовлетворять пища, чтобы не нанести вред здоровью человека. Серьезный недостаток интенсивного земледелия и использования химических удобрений ощущается уже сегодня, поскольку минеральная недостаточность продуктов питания является причиной целого ряда заболеваний. Чтобы избежать этого конфликта между перенаселением и недостатком продовольствия, Мальтус советовал ограничить размножение, не рекомендуя при этом никаких других мер, кроме целомудрия. Хотя и сегодня проблема ставится в тех универсальных терминах, в которых ее хотел представить Мальтус, этот конфликт существует с различными нюансами в разных странах и в силу их особого эколого-экономического режима. Всем известно, что число безработных растет с каждым днем.

Капиталистическое общество, таким образом, заявляет, что слишком много ртов, которые нужно кормить, а рабочий с большой семьей видит, что его зарплата явно недостаточна для обеспечения необходимого питания.

Так родилась новая концепция идеи Мальтуса – неомальтузианство, утверждающее право рабочего на улучшение своего экономического положения и право пролетариата не увеличивать число безработных. И эта система, обогащенная аргументами и научными фактами, провозгласила легитимность контрацепции как наиболее эффективного средства ограничения рождаемости.

Два вида материнства

Но ни с какой точки зрения неомальтузианство не является более оправданным, чем с точки зрения сознательного материнства. Право матери быть в полной мере матерью и перестать ею быть. Эмансипация женщины от рабства своего пола: непрерывных родов.

Когда поэты и моралисты воспевают возвышенность материнства, хорошо бы знать, какое материнство они имеют в виду: то ли рождение и воспитание детей с бессознательностью животного, которое измеряется скорее количеством, чем видом, то ли зачатие их в уме, а не в утробе матери, и посвящение себя их воспитанию и выращиванию с пылом и энтузиазмом высокого идеала. Последнее проявляется в избранности единственного ребенка или, в крайнем случае, образцовой двойни. Если речь идет о первом, то похвала с равным или большим основанием может быть адресована любому животному. Насекомые часто являются образцами такого рода. Крысы и кролики также заслуживают всяческих похвал. Но если речь идет о материнстве человеческого ранга, как духовном, так и телесном, выходящем за рамки младенчества и даже детства, то оно обязательно должно быть на нашей стороне. В силу своей интенсивности и той поглощенности, которую оно предполагает, оно не может быть щедрым. Новый ребенок заставляет нас пренебрегать предыдущими, а иногда и отказываться от него.

Многодетная мать не может, даже если хочет, в полной мере осуществлять материнскую заботу о своих детях, следить за их сном, здоровьем, заботиться об их образовании.

Это материнство, которое хочет выйти за рамки грудного вскармливания, окружив младенчество ребенка нежностью и заботой, - это материнство, которое нуждается и требует контроля над актом порождения: власти, позволяющей избежать нежелательного зачатия.

Но у материнства есть и прозаические, прискорбные стороны, которые не склонны замечать ни поэты, ни моралисты. Есть мать, иссушенная лаской, раздражительная, лишенная нежности; есть даже мать, огрубевшая от несчастья или алкоголизма. А есть, с унылыми тонами разочарования и отвращения, мать, ставшая матерью вопреки себе по незнанию или недосмотру, принимающая ребенка со сдержанной враждебностью, которая не исчезает даже от нежных ласковых побуждений грудного вскармливания. Нет ничего хорошего в том, чтобы обвинять этих матерей в том, что они недостойны, и принуждать их к любви,

которой они не испытывают.

Если никакая добродетель не приносит пользы насильно, то добродетель материнства может принести только вред. Женщины воспитаны в этом репродуктивном рабстве. Став матерью, женщина отказывалась от наслаждения жизнью и полностью посвящала себя миссии рождения ребенка. Таким образом, муж-раб получал больше свободы и даже больше поводов для того, чтобы заменить женщину.

Женщина возлагала свои иллюзии счастья на загробную жизнь, надежды на наслаждение в этой жизни рушились, и она становилась ядром религиозности в доме. В этом, как и во всех других социальных аспектах, следует видеть влияние религии, которая на протяжении многих веков осуществляла свое господство. Ни один враг не ревнует к освобождению женщин от их подавленного, репродуктивного состояния, как и к освобождению трудящихся от экономического рабства, и ни один враг не ревнует так сильно и не обладает такой явной сущностью, как религия.

Привилегированные поют о достоинствах труда, но они возложили свое бремя на пролетариат. Точно так же они воспевают достоинства материнства, но стараются возложить эту миссию на лишенных наследства. Для того чтобы первые могли отдыхать или скупко воспроизводиться, вторые должны работать и воспроизводиться без ограничений.

Сексуальная мораль

Нормы, которым мы должны соответствовать в своем поведении, цель, которую должны преследовать наши поступки, императив, который должен царить в нашей совести, - словом, наша мораль не должна быть покладистой, капризной или запутанной, она не должна поддаваться философским спекуляциям и придирчивым интерпретациям; она должна быть чем-то конкретным и категоричным, освещенным разумом, вдохновленным разумом и приспособленным к интересам человека. Наша мораль, и особенно сексуальная мораль, должна быть делом биологии, соответствовать образу жизни и потребностям человека, совершенствованию и сохранению рода. Она не должна вводить в заблуждение, служить прикрытием и оправданием неблагоприятных целей, извращенного поведения и чудовищных отклонений.

Истинная сексуальная мораль, единственная достойная управлять нашей совестью и дисциплинировать наши поступки, - это та, которая основана на психологии человека и интересах рода, которая освобождает сексуальность от препятствий и предрассудков, которые в современном обществе сковывают, деформируют и отклоняют ее; которая очищает любовь от чувственности, управляющей ею сегодня, возвращая ей ее естественную первозданность. Мы хотим освободить сексуальное влечение от тех препятствий, которые уродуют его в современном обществе (интерес, классовые предрассудки, разделение полов и т.д.);

Мы хотим освободить совокупление от предрассудков чести и генитальной чести, которые его конструируют, от разложения несчастья, от извращения невежества, от разврата

публичного дома и болезненной утонченности порока;

Мы хотим уничтожить юридические барьеры, которые, препятствуя свободному течению аффективного чувства любви, возвышают и обостряют его, приводя на грань правонарушения или безумия; мы хотим очистить инстинкт, половой аппетит, как от препятствий и уродств, которые он встречает при своей внешней реализации, так и от опухолей, которые его неудовлетворенность образует в сознании; мы хотим сделать желание и половой акт сознательными, независимыми от видимости и психологического автоматизма. Мы стремимся к возрождению расы, к освобождению вида от его нынешнего вырождения и к развитию всех его возможностей совершенствования путем рационального культивирования сексуальности.

Свобода любви, как и свобода личности, должна иметь свои границы в свободе ближнего, в здоровье и целостности собственного организма, в репродуктивном долге, в святости совести (человеческих чувств), но эта свобода не должна быть свободой инстинкта, скотства, страстей, ибо только тот достоин свободы, кто начал завоёвывать свою собственную свободу, быть сознательным, самостоятельным и самоискупленным.

В нашей широкой морали, терпимой, доброжелательной и прощающей любое поведение, скрываются развращенные личности, психически неуравновешенные, позорно поработанные сексом, которые пытаются сеять конфуцианство, в мутной реке которого они могут спрятать свои психологические уродства, и хотят превратить идеализм в позорное «прикрытие».

Свободная любовь предполагает, как и отсутствие юридических, политических, религиозных и моральных препятствий для ее внешнего развития, ее самостоятельное зарождение в сознании индивида. Вряд ли можно назвать свободной, даже если ее проявления пытаются таковыми казаться, любовь, рожденную рабом развязанной страсти, плодом поражения сознательного «я», рабского подчинения человека зверю.

Сексуальность не может избежать самодисциплины, которой человек должен подчинить все свои желания; она должна нести на себе человеческую печать своей сознательной выработки, мозгового происхождения, продукта не властной над ней психики, потому что к этому обязывает нас наш зоологический ранг. А поскольку сознательное существо не может не считаться с обстоятельствами, которые в буржуазном обществе поработают и извращают любовь (правовые препоны, экономическая зависимость, сексуальное рабство женщин, невежество, привязка чести и достоинства к половым органам и т.д.), оно понимает, что существующая практика свободной любви не может не быть чудовищной и что для ее реализации эффективнее индивидуального бунтарства – терпеливая, медленная и упрямая работа по подрыву социальных детерминант ее поработы.

Но как нравственно и похвально переступить через барьеры законного брака, через предрассудки чести и достоинства, так же не нравственно и не похвально балансировать между отложением женщины, ее экономическим, сексуальным и интеллектуальным рабством ради его обладания, ни обманом ради его завоевания, ни, тем более, предложением свободной любви, чтобы бросить партнера безоружным, в яростной враждебности среды,

или нарушить клятву после того, как она послужила отмычкой.

Женщина не может вступить в свободный союз, пока экономическая зависимость, законы, материнство и предрассудки ставят ее на более низкую ступень, чем мужчина; и сексуальный союз не может быть свободным, пока плод любви рождается в поношении или как бремя для своих родителей.

Пусть не пугаются догматики, не суетятся лицемеры, не клюют на их приманку жабы социального болота; нам нужна сексуальная мораль, которая заботится о том, чтобы защитить пробуждение сексуальности в ребенке, инициировать её, чтобы предотвратить её отклонения, облегчить ей познание ее сущности, ее значения, ее гигиены и ее опасностей, а не болезненно зажимать ее в глубинах совести; мораль, которая выливает сексуальное влечение в формы здоровья, добра и красоты, ориентированные на высшее евгеническое совершенство продукта; Мораль, которая подчиняет сексуальное влечение мозговому сдерживанию, очищая его от животности и сдерживая в справедливых рамках функциональности органа, в котором оно обитает; словом, которая накладывает на наши поступки печать человеческой зрелости, обдуманности, совести и самодисциплины, которая избавляет любовь от видимости импульсивности, но мы отвергаем всякую догму, всякую связь, всякое ограничение, претендующее на противодействие осуществлению нашей сознательной воли.